

На правах рукописи

Денисова Галина Валерьевна

**ИНТЕРТЕКСТ В КОММУНИКАТИВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОГО
ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА
РОССИИ И ИТАЛИИ**

Специальность 24.00.01 - Теория и история культуры

Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора
культурологии

Саранск 2019

Работа выполнена на кафедре семиотики и общей теории искусства факультета искусств ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Научный консультант доктор философских наук, профессор
Новикова Надежда Львовна

Официальные оппоненты:

Ерохина Татьяна Иосифовна доктор культурологии, профессор, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского», кафедра культурологии, заведующий

Сметанина Ольга Михайловна доктор культурологии, доцент, Нижегородский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», кафедра иностранных языков и профессионального лингвообразования, профессор

Пискунова Светлана Ивановна доктор философских наук, доцент, ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт имени М.Е. Евсевьева», факультет иностранных языков, декан; кафедра философии, профессор

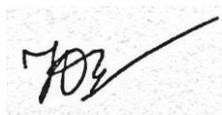
Ведущая организация ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

Защита диссертации состоится «11» сентября 2019 г. в 12 часов 00 минут на заседании диссертационного совета Д. 212.117.10 при ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва» по адресу: 430005, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68, корпус 1, ауд. 706.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке имени М.М. Бахтина ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва» и на сайте университета: https://www.mrsu.ru/ru/diss/diss.php?ELEMENT_ID=71416

Автореферат разослан « » июля 2019 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

Ю.В. Кузнецова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Современная культура как динамическая система представляет собой свободное со-существование различных культурных миров со своими ценностными и жизненными приоритетами, и ее развитие невозможно без постоянного «притекания текстов извне», т.е. «чужих текстов, пришедших из иной национальной, культурной, ареальной традиции»¹. При этом ни одна культура не утрачивает своей самобытности, не теряется и не растворяется в обширном культурном пространстве, наоборот, «приглядываясь» и «прислушиваясь» к «чужой» культуре, другому типу мышления, обогащается новыми ценностями и смыслами, культурными заимствованиями, в том числе языковыми. Иными словами, находит форму своего бытия в «творческой коммуникации» между различными культурами.

Н.Л. Новикова, рассуждая о динамике текста, которая обнаруживается с момента его порождения до проблемы возникновения смысла, настаивает, что принципиальное понимание текста состоит в его открытости и множественности. Вслед за Лотманом ученый утверждает значимость именно художественного текста, который предстает «целостным, но незаконченным образованием, а порождающим, динамическим, множественным; это не единство кода, а пересечение множества текстов, совокупность которых и составляет основу генерирования смысла». Поэтому особый интерес, по мысли Новиковой, представляет изучение структуры художественного текста, связанной с «его смысловым развертыванием и интерпретационной деятельностью читателя, пребывающего в творческом процессе порождения новых смыслов»².

Вопросы взаимодействия культуры и языка, «коренящегося в событии», продолжают изучаться с позиций различных дисциплин, входящих в комплекс наук, таких как философия, культурология, лингвистика, переводоведение, этнопсихология и др. Особую важность при рассмотрении данной проблематики приобретает изучение национальной специфики интертекста в силу того, что последний выступает проекцией элементов культуры, опредмечиваемых при помощи языковых средств. **Актуальность исследования**, таким образом, обосновывается необходимостью: разработки междисциплинарной методологической базы, позволяющей обнаружить взаимодействие корпусов текстов, которые определяют особенности лингвокультуры; осмысления процесса становления поликультурной языковой личности, способной функционировать одновременно в разных лингвокультурах; выявления интертекстуальных связей между текстами, транслирующими различные лингвокультуры; анализа вариантов передачи интертекстуальных включений в переводах.

¹ Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. – Таллин: Александра, 1992. – Т. I.: Статьи по семиотике и типологии культуры. – С. 116-117.

² Новикова Н.Л. К проблеме семантических отношений в художественных текстах на английском языке // Гуманитарий. – 2012. – № 3 (19). – С. 79.

Автор показывает, что интертекст как универсальный механизм культурной памяти присутствует во всех сферах человеческого бытия, при этом на смысл и восприятие текста влияет интертекстуальность. Поскольку каждый элемент текста находится в смысловых переключках с иными текстами, отличительным признаком интертекстуальности является наличие в тексте «другого» голоса, предполагающее взаимодействие «своего» и «чужого».

Понятие «интертекстуальность» традиционно связывают с коллажной структурой поэтики постмодернизма. В действительности человечество всегда было склонно цитировать предшественников, соглашаясь или полемизируя с определенным культурным контекстом. «Хотя бы ни один художник мира не создал ни одного постмодернистского произведения, и то не беда: к постмодернизму запросто может быть причислен какой угодно памятник прошлого и настоящего (тем более что строгой границы между памятниками не проведешь, и все они – только фрагменты единой гигантской книги)»³.

Любое произведение, начиная с античной словесности, ведет диалог с голосами из прошлого, является результатом столкновения оригинальности и традиционности, стремлением к новому и сохранению устоявшихся форм художественной и культурной памяти. По мысли М.М. Бахтина, «прошлые смыслы» никогда не могут быть раз и навсегда конечными, они всегда будут меняться, обогащаясь новыми смыслами в ходе будущего развития диалога, при этом «в любой момент они снова вспомнятся и оживут в обновленном (в новом контексте) виде»⁴.

Интертекстуальные связи являются не исключительным достоянием постмодернизма, а постоянной величиной, свойственной культуре вообще, тем не менее именно постмодернизм, настаивая на соискатель, с его видением мира и пониманием сознания как текста сделал возможным диалог разных культурных языков, провозгласив пародийность и игровой момент при относительности времени и пространства своими главными приемами.

Значение интертекстуальности выходит далеко за пределы художественного творчества в слове. Сам термин «интертекстуальность» (фр. *intertextualité*), введенный в 1967 г. теоретиком французского постструктурализма Ю. Кристевой, происходит от латинского *intertextum* («вплетенное внутрь») и является основополагающим для изучения динамики развития национальных культур. Несмотря на то что понятия «интертекст» и «интертекстуальность» как обозначение общего свойства текстов появились во французском постструктурализме, исторически их истоки прослеживаются в русской традиции.

Основу интертекстуальных исследований заложила теория о происхождении и распространении повествовательных сюжетов («миграция сюжетов») А.Н. Веселовского, который последовательно проводил мысль, что каждая литературная эпоха не создает своих сюжетов заново, но неизбежно

³ Шапир М.И. Эстетический опыт XX века: авангард и постмодернизм // *Philologica*. – М. – 1995. – Т. 2. – № 3/4. – С. 143.

⁴ Бахтин М.М. К методологии литературоведения // *Контекст* – 1974: лит.-теорет. исслед. – М.: Худ. лит., 1975. – С. 209.

вращается в границах устойчивых мотивов, наполняя старое новым содержанием и смыслом⁵. Развивая идею Веселовского, Бахтин указывал на возможность абсолютного тождества двух и более предложений, которые могут повторяться в неограниченном речевом потоке неограниченное число раз, однако как высказывание (или часть высказывания) ни одно предложение никогда не может повторяться, т.е. всегда является новым⁶. Цитирование даже в бытовом дискурсе носит экспрессивную, апеллятивную и фатическую функцию, помогает субъекту самовыразиться и, таким образом, является важным способом организации информации, поскольку при апеллировании к известному культурному коду собеседник помещается в координаты «свой»/«чужой».

В работе *интертекстуальность* предстает как формообразующий и смыслообразующий механизм взаимодействия вербальных и невербальных знаков в языковой картине мира, а *интертекст* – как базовая единица национальной культуры. Национальный интертекстуальный код рассматривается диссертантом как область, где язык и культура соприкасаются наиболее близко, поскольку интертекстуальные системы разных лингвокультур содержат несовпадающие элементы, несущие определенную культурно-специфическую информацию. Выявление последней соискатель проводит путем сопоставления национального интертекстуального кода одного языка с интертекстуальным кодом другого языка. Особое значение в этом ракурсе для данной работы приобретает исследование процесса понимания, усвоения и интерпретации интертекстов языковой личностью с последующей их активизацией в речевой деятельности. При этом переплетение «своей» и «чужой» речи, явное или имплицитное, принимает, по верному замечанию Н.Д. Арутюновой, самые разнообразные формы (цитирование, косвенная, прямая или несобственно-прямая речь, повторы, подхваты или переспросы, литературные реминисценции, цитатные вопросы, интертексты-мемы и т.д.), сущность различия между которыми сводится к степени сохранности/искаженности «чужого слова», целям его использования, к степени и способу его выделения в новом контексте⁷.

Теоретической предпосылкой диссертационного исследования явилось осознание соискателем факта, что мы организуем понятия и значения в соответствии с соглашением, закрепленным в системе моделей лингвокультурного общества. Конфигурация идей, находящих отражение в значении и коннотациях языковых единиц, воспринимается носителями языка как нечто само собой разумеющееся, однако сопоставление разных картин мира часто обнаруживает значительные расхождения в их интерпретации. Автор утверждает необходимость учитывать, наряду с врожденной способностью к усвоению языка, также национальные особенности, характеризующие то или иное лингвокультурное сообщество и объединяющие его носителей, с одной стороны,

⁵ Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – М.: Высш. шк., 1989. – С. 57-58.

⁶ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 286.

⁷ Арутюнова Н.Д. Диалогическая модальность и явление цитации // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис; под ред. Т.В. Булыгиной. – М.: Наука, 1992. – С. 64-65.

и индивидуальную специфику идиолекта каждого отдельного индивида, который формируется на основе аксиологии национальной культуры, с другой.

В данном контексте для диссертационного исследования важность приобретает идея А. Вежбицкой о глобальном применении семантических примитивов с целью описания типичных ментальных, эмоциональных и поведенческих стереотипов, свойственных той или иной культуре. Внимательное изучение аксиологии национальной культуры, находящей отражение в языковых единицах, позволило А.А. Зализняк, И.Б. Левонтиной и А.Д. Шмелеву продемонстрировать общие организационные принципы, которые придают связность культурной сфере в целом, и уточнить понятие языковой картины мира, формирующейся «системой *ключевых концептов* и связывающих их инвариантных ключевых идей»⁸. Соискатель доказывает, что подход к изучению культуры посредством систематического анализа специфичных лингвокультурных единиц плодотворен при рассмотрении интертекстов в качестве организующих центров национальной культуры.

В основе современной цивилизации, постулирует автор, лежит принцип многообразия культур, находящихся в непрерывном контакте друг с другом и развивающихся в направлении толерантности, подразумевающей адаптацию человека к чужой культуре при сохранении собственной культурной идентичности. «Не теряя своей самобытности, культура характеризуется мобильным, компромиссным типом мышления, новым языковым выражением и новыми духовными ценностями, т.е. находит форму своего бытия в диалоге с другими культурами»⁹.

В тех случаях, когда одна культура подвергается «мирному», целенаправленному влиянию другой, наблюдаются культурные заимствования, наглядным примером которых служат заимствования языковые. Наличие языкового контакта, их продолжительность и интенсивность, определенный уровень двуязычия, степень владения билингвами обоими языками – основные причины языкового заимствования, определяемого Н.Л. Новиковой и Е.А. Кононовой как естественный и необходимый процесс развития и обогащения любого языка. Ученые настаивают, что понимание заимствованной лексики чрезвычайно важно в межкультурной восприимчивости, поскольку связано не столько с грамматикой и лексикой языка, сколько с культурным компонентом значения слова, реалиями чужой культуры.

Поскольку развитие современного мира характеризуется такими противоречивыми тенденциями, как процессы глобализации, ведущие к унификации культур, с одной стороны, и стремление к этнокультурной самоидентификации, с другой, диссертант доказывает необходимость формирования языковой личности нового типа, понимаемой как личность индивида, ориентированного на другие культуры через систему ценностей родной

⁸ Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. – М.: Языки славянской культуры, 2012. – С. 12.

⁹ Новикова Н.Л., Кононова Е.А. Интеграция неассимилированных англицизмов в системе немецкого языка (на материале немецкой экономической прессы) // Интеграция образования. – 2010. – № 4 (61). – С. 63.

культуры. Диалог множества культур трактуется в работе в ракурсе развития поликультурного характера языковой личности, проявляющегося в ситуации культурной плюралистической среды на всех уровнях межкультурной коммуникации – глобальном, межэтническом и межличностном. **Поликультурная языковая личность интерпретируется диссертантом как полилингвальный индивид, способный улавливать сходства и различия концептуальных систем представителей различных лингвокультур и в соответствии с этим осуществлять межкультурное взаимодействие на иностранном языке.**

Затрагиваемые вопросы имеют много точек пересечения с проблематикой межкультурного общения. Изучение факторов, условий и критериев определения структуры языкового сознания в современной науке носит всесторонний и комплексный характер, однако при наличии богатого теоретического материала, основу которого составляет анализ разных уровней межъязыковых/межкультурных расхождений, автор констатирует неоправданно малое число работ, специально рассматривающих возможности и способы передачи интертекстов в переводе. Соискатель утверждает, что именно **перевод**, являясь формой существования семиотического опыта одной лингвокультуры в знаковых средствах другой лингвокультуры, представляет собой интенсивное поле интертекстуальных связей.

Перевод как неотъемлемая часть межкультурной коммуникации – это всегда поиск взаимопонимания и один из источников сохранения культурного разнообразия. В настоящее время, подчеркивает автор, на передний план выступает проблема того, как при переносе в иноязычную культурную среду собственных культурных ценностей сохранить особенности национальной культуры. Культура в данном случае диссертантом понимается как саморегулирующаяся система, сохраняющая единство и целостность при изменении условий существования; как деятельность по сохранению и трансляции различного рода культурных текстов.

Интертекстуальные преломления при переходе с одного языка на другой проведены в диссертационном исследовании на основе сравнительного **анализа русской и итальянской лингвокультур**. Соискатель показывает, что начатый на заре современной эпохи процесс самобытной переработки русской культурой культуры европейской вылился в диалог русско-итальянских взаимоотражений в различных сферах культурной жизни и привел к формированию глубоко укорененных «итальянского текста» в русской культуре и «русского текста» в итальянской культуре, обнаруживающих как явные переключки, так и скрытые литературные и языковые влияния.

Вопрос функционирования интертекстов в межкультурном общении и в переводе как способе раскрытия культур и развития новых форм для их самовыражения соискатель рассматривает в тесной связи с описанными М.Л. Гаспаровым¹⁰ ситуациями распространения культуры «вширь» или

¹⁰ Гаспаров М.Л. Брюсов-переводчик. Путь к перепутью // Избранные труды. – М.: Языки русской культуры, 1997. – Т. II: О стихах. – С. 121-129.

«вглубь». Материалом исследования в работе избраны тексты, представляющие собой художественную модель окружающей действительности, в которой фиксируется национально-культурная специфика поведения этноса, сформировавшегося под воздействием определенных исторических и социально-культурных факторов.

Переводной фильм, по мнению соискателя, является социально детерминированным отражением опыта определенной лингвокультуры и одновременно – важным средством создания образа «чужой» культуры, поэтому в качестве отдельной лингвокультурологической проблемы в исследовании освещается передача интертекстуальных связей в переводе кинотекста.

Проблема соотношения различных культур, культурных традиций в контексте необъятного культурного пространства, состоящего из обломков различных текстов мировой литературы, привела автора к мысли о необходимости обновления восприятия интертекстуальных связей в пост-постмодернистскую эпоху. Несмотря на значительный интерес ученых к интертекстуальности как константному элементу культуры, феномен интертекста в качестве базовой единицы национальной культуры остается малоизученным, что является основанием для его глубокого комплексного исследования.

Степень научной разработанности проблемы. Культура в современном мире осознается как свободное сосуществование различных культурных миров, при этом человек, усваивая чужой язык, усваивает новый мир и другую культуру. Проблематика взаимодействия культур осмысливается и разрабатывается в работах отечественных (М.М. Бахтин, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, А.П. Лободанов, Ю.М. Лотман, С.Г. Тер-Минасова, В.Н. Топоров и др.) и зарубежных (Х. Блум, Дж.Ф. Контини, М. Корти, Ю. Найда, А. Попович, У. Эко и др.) авторов.

Одним из ключевых понятий современной культуры является «интертекстуальность», которое в гуманитарном знании в настоящее время воспринимается в контексте диалогизации культуры. Данный социокультурный феномен выступает механизмом культурного взаимодействия. С теоретической точки зрения ценность представляют исследования, в которых прямым или косвенным образом поднимается проблема интертекстуальности как таковая (М.М. Бахтин, Б.М. Гаспаров, Ю.М. Лотман, И.П. Смирнов, Н.А. Фатеева, Р. Барт, Ю. Кристева, М. Риффатер и др.); выявляются виды текстовых взаимодействий, способы и средства их маркированности (Ж. Женетт, Т.И. Ерохина, Н.Л. Новикова, С.И. Пискунова, И.П. Смирнов и др.); предпринимаются попытки определения ставших дискуссионным понятием интертекстуальности, интертекста и интекста (А.К. Жолковский, Н.А. Кузьмина, Р. Лахманн, П. Тороп и др.); обсуждается ряд понятий, которые входят в концептуальный аппарат теории интертекстуальности, как «прецедентность» (Д.Б. Гудков, Ю.Н. Караулов, В.В. Красных, Л.П. Крысин, И.М. Михалева, Ю.Е. Прохоров, Ю.А. Сорокин и др.), «цитата» в широком смысле слова (В.П. Андросенко, Н.Д. Арутюнова, Л.В. Полубиченко и др.), «интермедиальность», «интерсемиотичность» (Т.И. Ерохина, И.П. Смирнов и др.).

Подход к исследованию проблематики функционирования поэтического языка на основе концепции диалога получил развитие в трудах В.В. Виноградова, В.М. Жирмунского, Ю.Н. Тынянова. Особую важность для теории интертекстуальности представляют идеи Л.С. Выготского.

Л.С. Выготский, рассуждая о различии между народной поэзией и творчеством отдельного автора, отмечал, что писатель не является индивидуальным творцом своего произведения: «Пушкин отнюдь не единоличный автор своей поэмы. Он, как и всякий великий писатель, не изобрел сам способа писать стихами, рифмовать, строить сюжет определенным образом и т.п., но, как и сказатель былины, оказался только распорядителем огромного наследства литературной традиции, в громадной степени зависимым от развития языка, стихотворной техники, традиционных сюжетов, тем, образов, приемов, композиции и т.д.»¹¹. На долю личного авторства, таким образом, приходится только выбор тех или иных элементов и их варьирование, а также перенесение традиционных элементов из одной системы в другую. Впоследствии эта мысль была подхвачена и развита как в отечественной науке (Б.М. Гаспаров, Ю.М. Лотман, И.П. Смирнов), так и за рубежом (Р. Барт, Ж. Женетт, Р. Лахманн, М. Риффатер).

Современные исследования интертекста охватывают работы в рамках лингвокультурологической парадигмы (Т.И. Ерохина, З.А. Заврумов, Н.Л. Новикова, Т.Н. Суминова, И.И. Чумак-Жунь); разработку методологии интертекстуальности (Ю.С. Кузнецова); прикладные исследования актуальных культурных феноменов (Г.В. Бобровская, О.М. Сметанина). Интерес представляют монографии Н.А. Фатеевой «Интертекст в мире текстов: контрапункт интертекстуальности» (2007), где ученый предлагает собственную теорию процесса интертекстуализации; Н. Пьеге-Гро «Введение в теорию интертекстуальности» (2008) как одно из первых аналитических исследований об интертекстуальности; Н.А. Кузьминой «Интертекст: тема с вариациями. Феномен языка и культуры в интертекстуальной интерпретации» (2009), в которой автор на основе понятия интертекста как когнитивной модели рассматривает вопросы описания динамических процессов в культуре и языке.

Проводимые разными авторами исследования показывают, что интертекстуальность характерна не только для художественных текстов, но также свойственна научному дискурсу (А.Н. Кожин), кинематографу (М.Б. Ямпольский), изобразительному искусству (Ю.М. Лотман), что дает все основания для последовательного изучения категории интертекстуальности как универсального семиотического закона.

Осмысление интертекстуальности непосредственно связано с культурными концептами как элементами языковой картины мира. В настоящей работе представление о феномене «концепт» восходит к исследованиям Н.Д. Арутюновой, Ю.С. Степанова, Р.М. Фрумкина, А. Вежбицкой, которые, обобщив более ранние размышления относительно понятия «концепт» (С.А. Аскольдов, Д.С. Лихачев и др.), определили его смысловое содержание как

¹¹ Выготский Л.С. Психология искусства. – М.: Искусство, 1986. – С. 28.

«основную ячейку культуры в ментальном мире человека»¹². В этом направлении теория интертекстуальности получает развитие в работах В.В. Красных, Г.Г. Слышкина и др.

Интертекстуальность как переводческая проблема обозначена в трудах М.Л. Гаспарова, Ю.И. Левина, Ю. Найды, А. Поповича, Л. Сальмон, П. Торопа, У. Эко и др. Различные аспекты обсуждаемой проблематики изучаются в диссертационных исследованиях последних лет: анализ интертекстуальности в научном дискурсе предпринято Е.В. Михайловой (1999); интертекстуальные связи в художественных фильмах изучает Е.Б. Иванова (2001); исследование интертекстуальности как общего механизма текстообразования содержится в диссертационной работе Н.В. Петровой (2005); интертекст и его лингвистические основы осмыслены в работе Т.Е. Литвиненко на материале латиноамериканских художественных текстов (2008); на интертекстуальности как на переводческой проблеме сконцентрированы исследования А.А. Гусевой (2009) и Н.А. Солуяновой (2013) и др.

Несмотря на обширную литературу, в которой в том или ином ракурсе рассматриваются интертекст и интертекстуальность, данные феномены нуждаются в комплексном анализе. Актуальность темы и научная гипотеза обусловили выбор объекта и предмета работы, ее цель, перечень задач, которые решаются в настоящем диссертационном исследовании.

Объект исследования: интертекстуальное поле взаимодействия разных языковых культур.

Предмет исследования: интертекст в коммуникативной реальности современного поликультурного пространства России и Италии.

Цель исследования: комплексное изучение интертекста как культурного феномена и разработка типологии межкультурных интертекстуальных эквиваленций на материале анализа переводов текстов русской и итальянской культур.

Реализации цели подчинены следующие **задачи**:

- определить степень разработанности заявленной темы в отечественной и зарубежной гуманитарной науке, провести критический анализ существующих подходов к изучению интертекста, транслирующего различные лингвокультуры;
- обозначить коммуникативную природу интертекста;
- исследовать интертекст как базовую единицу национальной культуры;
- выявить системообразующую роль интертекста в парадигме культуры рубежа XX-XXI вв.;
- раскрыть сущность перевода как интертекста;
- сформулировать основные условия становления интертекстуальной компетенции поликультурной языковой личности; рассмотреть интертекстуальные трансформации в ее речевом поведении;
- изучить «итальянский текст» в русской культуре рубежа XX-XXI вв. и «русский текст» в современной итальянской культуре;

¹² Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2001. – С. 43.

- разработать лингвокультурологические алгоритмы передачи интертекста в переводе; обосновать значимость сохранения национально-культурной специфики и определить сущность лингвокультурных расхождений;

- выявить и описать лингвокультурологические особенности перевода итальянских и русских художественных фильмов.

Научная гипотеза исследования основана на признании интертекстуальности в качестве смыслообразующего механизма взаимодействия лингвокультурных понятий в языковой картине мира. Данное понимание определяет рассмотрение в диссертации интертекстов, представляющих собой содержательные элементы сознания и обладающих информационной самодостаточностью, тематическим, структурным и коммуникативным единством, в качестве базовых единиц национальной культуры. Комплексное исследование интертекста как социокультурного феномена в современном коммуникативном поле России и Италии способствует осознанию необходимости воспитания поликультурной языковой личности, умеющей воспринимать неповторимость своеобразной семантики каждой национальной культуры («своей» и «чужой») и осуществлять межкультурное общение на иностранном языке. Перевод, осмысляемый как интертекст, предстает значимым явлением, призванным при трансформации текста другой культуры выявить смысловую составляющую ключевых лингвокультурных концептов, помогающих воссоздать особенности менталитета и этнокультурное своеобразие соответствующего языкового сообщества.

Материалом исследования послужили оригинальные художественные тексты современных итальянских писателей (Н. Амманити, А. Барберо, М. Мадзантини, А. Нове, Р. Савьяно, У. Эко и др.), произведения русских писателей на итальянском языке (Н. Лилина, Л. Неановой, О. Фелина и др.) и тексты русских писателей рубежа XX-XXI вв. (А.Г. Битова, С.М. Гандлевского, М.Ю. Елизарова, Вен. Ерофеева, В.В. Ерофеева, Ю.В. Мамлеева, В.О. Пелевина, Саши Соколова, В.Г. Сорокина, Д.А. Пригова, Л.С. Рубинштейна, Т.Н. Толстой, М.П. Шишкина, Л.Е. Улицкой и др.). Для сопоставительного анализа фильмов как феноменов, создающих образ «чужой культуры», а также выявления в кинопереводах особенностей интерпретации исходного текста были выбраны итальянские художественные фильмы «Развод по-итальянски» (П. Джерми) и «Укрощение строптивого» (Р. Кастеллано, Дж.М. Пиполо) и фильмы российского производства «Москва слезам не верит» (В.В. Меньшов), «Родня» (Н.С. Михалков), «На Дерибасовской хорошая погода, или на Брайтон-Бич опять идут дожди» (Л.И. Гайдай), «Брат-1» и «Брат-2» (А.О. Балабанов). Итальянский и русский языки автор исследования осмысливал и интерпретировал как языки межкультурного диалога.

Методологическая и теоретическая базы исследования. Работа выполнена в русле междисциплинарного подхода, объединяющего: социально-философские, культурологические и лингвокультурологические исследования диалога культур (М.М. Бахтин, В.С. Библер и др.), культурно-языковых сообществ (В.В. Красных, Ю.С. Степанов, Н.В. Уфимцева и др.), феномена текста (М.М. Бахтин, У. Эко и др.); семиотику культуры (Т.И. Ерохина, Ю.М. Лотман,

А.П. Лободанов, Н.Л. Новикова, С.И. Пискунова и др.); лингвокультурологию и лингвострановедение (А. Вежбицкая, В.М. Верещагин, А.А. Зализняк, В.Г. Костомаров, И.Б. Левонтина, О.М. Сметанина, С.Г. Тер-Минасова, И.И. Халеева, А.Д. Шмелев и др.), культурно-историческую школу психологии (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Д.А. Леонтьев, А.Р. Лурия и др.), психолингвистику (А.А. Залевская, А.А. Леонтьев, Е.Ф. Тарасов, М. Парадис, Ф. Фаббро и др.); труды по теории языковой личности (В.В. Виноградов, Ю.Н. Караулов, В.И. Карасик, Е.Ф. Тарасов и др.) и речевой деятельности (И.А. Зимняя, А.Н. Леонтьев, Е.Ф. Тарасов, Р.М. Фрумкина и др.), основные положения теории прецедентности (Д.Б. Гудков, Ю.Н. Караулов, Ю.Е. Прохоров, Ю.А. Сорокин и др.).

Применение интертекстуального подхода определяется необходимостью объективной интерпретации интертекста, выявления его смысловой полифоничности и «приращения смысла» за счет диалогического взаимодействия с текстами другой культуры.

В качестве ведущего выбран культурологический подход, используемый для осмысления интертекста как части национальной культуры и анализа переводов как значимых явлений в контексте межкультурного общения, выявления соответствия вариантов переводов тексту оригинала.

Принцип системности, положенный в основу работы, определил набор соответствующих методов исследования:

- интегративный метод дает возможность использовать данные различных областей гуманитарного знания применительно к решению задач, обозначенных в настоящем исследовании;

- аксиологический метод, помогающий установить ценностные ориентиры русской и итальянской культур, применяется при рассмотрении особенностей культурного взаимодействия в условиях глобализации;

- метод диалога культур позволяет осмыслить архетипы национальных картин мира, уловить особенности национального менталитета, увидеть мир «своей» и «чужой» культур;

- сопоставительный анализ текстов оригинала и перевода (с итальянского языка на русский и с русского на итальянский) необходим для раскрытия и осознания «иной» культуры понимания и мышления.

В диссертационном исследовании использовался «Национальный корпус русского языка» (далее НКРЯ [ruscorpora.ru]), данные параллельных подкорпусов НКРЯ, позволяющие находить примеры для иллюстрации той или иной научной гипотезы; архивы СМИ информационного агентства «Интегрум», а также опросные анкеты, которые рассматривались как информационный канал, связывающий экспериментатора и испытуемого в актах их речевого взаимодействия с целью выявления векторов ассоциаций при восприятии национально-обусловленных интертекстов. В качестве методологической базы экспериментов были избраны разработанные Ю.Н. Карауловым принципы построения ассоциативного тезауруса русского языка и заключенной в нем ассоциативно-вербальной сети, которая является субстратом языковой способности носителя.

Научная новизна исследования состоит в том, что:

- обоснован статус интертекста как коммуникативной категории; выявленные функциональные свойства интертекста осмыслены как метафункции данного феномена;
- в научный оборот введено и описано понятие «*интертекст-мем*», которое рассматривается как специфичная лингвокультурная единица языковой картины мира;
- переосмыслены понятия «*слабый интертекст/сильный интертекст*»; предложено определение интертекстуальной энциклопедии как *презумпции интертекстуальности*, подразумевающей предречевую готовность носителя, его текстовый потенциал;
- разработана многослойная структура интертекстуальной энциклопедии, помещенной в сферу когнитивного уровня языковой личности и складывающейся из разных типов интертекстуальных кодов;
- показано воздействие интертекста как коммуникативной единицы на *лингвокультурное сознание* языковой личности в качестве системо- и смыслообразующего принципа формирования компетенций поликультурной языковой личности;
- в связи с распадом парадигмы постмодернизма проанализированы способы преломления интертекстуального сознания в художественном дискурсе XX-XXI вв.;
- эмпирическим путем выявлены векторы ассоциаций при восприятии национально-обусловленных интертекстов носителями русского и итальянского языков, а также билингвами, владеющими русским и итальянским языками;
- доказана зависимость успешности коммуникативного акта от совпадений *энциклопедий* у представителей разных лингвокультурных сообществ;
- выявлена типология межкультурных интертекстуальных эквиваленций, транслирующих особенности русской и итальянской лингвокультур на рубеже XX-XXI вв.;
- раскрыта сущность перевода как вида интертекста; обоснована значимость сохранения национально-культурной специфики и сущность лингвокультурных расхождений в переводе;
- изучены лингвокультурные особенности «итальянского текста» в современной русской культуре и «русского текста» в итальянской культуре рубежа XX-XXI вв.;
- на основе сопоставительного анализа переводов русских и итальянских художественных произведений современных авторов разработаны *лингвокультурологические алгоритмы* передачи интертекста в переводе.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Интертекстуальность как культурный феномен – особая, динамичная реальность, являющая собой сложную систему смыслопонимания и смыслопорождения в коммуникативном поле культуры. Интертекстуальное пространство базируется на разных видах и формах межтекстовых взаимодействий, суть которых проявляется в способности текста формировать (полностью или частично) свой смысл посредством отсылок к другим текстам,

«отталкиваться» от предыдущего, наполняя «старое» (образы, сюжеты и типы) «новым» содержанием. В области культуры и искусства мы «связаны преданием» и «ширимся в нем», при этом не создаем новых форм, а «привязываем» к ним новые отношения, поэтому образцы «повторений и захватов» характерны даже для народной поэзии (А.Н. Веселовский). Подобное понимание интертекстуальности наблюдается в концепциях Л.С. Выготского и представителей русской философско-филологической традиции (М.М. Бахтин, Ю.Н. Тынянов), заложивших основы осмысления данного явления.

Разнообразные теоретические подходы отличаются друг от друга рассмотрением конкретных сторон феномена интертекстуальности (параграмматической, диалогической, эволюционной), стремлением постичь и осветить какую-то определенную его грань, классифицировать интертекстуальные связи (по степени выраженности, функциям, качествам интертекста как тропа или как литературного соперничества, или же в качестве основного приема порождения текста), что отражается на определении терминов и выявлении характеристик самого интертекста.

В исследовании интертекстуальность предстает философской категорией, органичным свойством культуры как таковой и рассматривается как призма, сквозь которую носители языка/культуры интерпретируют действительность. Поскольку языковая структура неразрывно связана с «национально-психологическим складом народа» (Ю.М. Лотман), автохтонных, абсолютно лишенных заимствований и влияний текстов не существуют: любой текст является интертекстом по определению и подлежит изучению как элемент определенной лингвокультуры, несущий в себе ее генетический код.

2. Интертекст, являясь элементом интертекстуальной обусловленности текстов в парадигме национальных культур, выступает одним из важнейших механизмов коммуникативного смыслопорождения. Коммуникативный статус интертекста подтверждается классификацией его разнообразных проявлений (типов): собственная интертекстуальность, паратекстуальность, метатекстуальность, архитектекстуальность, интертекст как троп или стилистическая фигура, интермедиальные тропы, звуко-слоговой и морфемный типы интертекста, гипертекст и др.

Выявленный в ходе исследования особый тип интертекста – *интертекст-мем* – определяется как прецедентное высказывание, полностью утратившее связь с породившим его источником и функционирующее в речи аналогично клишированному выражению. Данный вид интертекста составляет неотъемлемую часть ментального лексикона (имплицитное знание), в котором сосредоточена базовая аксиоматика национального языкового сознания. Как смыслообразующая и текстообразующая категория, обладающая информационной самодостаточностью, тематическим, структурным и коммуникативным единством, интертекст-мем предстает значимой единицей культурного пространства и содержательным элементом сознания.

3. Значимость интертекста как коммуникативной категории подтверждается исходящими от него импульсами, обеспечивающими решение задач в процессе коммуникации: энергетический способствует установлению связи текущего

текста с гипотекстами и интекстами; производственный – созданию иного текста; информационно-познавательный – возникновению новых гипертекстовых и метатекстовых связей в новом когнитивном пространстве; транспортный – переносу языкового и когнитивного материала между разными текстами во времени и пространстве и др. Свойства интертекста носят и функциональный характер, которые интерпретируются как метафункции интертекста.

Понять интертекст и его основные свойства невозможно без осмысления типологии интертекстуальных знаков, выступающих как: первичное средство коммуникации; способ коммуникативного воздействия; неявное средство выражения оценки; интерпретатор; прием создания игрового момента; средство убеждения; стилистический прием украшения текста; способ установления контакта; прием пародирования; способ различения «своих»; отправная точка для размышлений.

4. Область культурной памяти, состоящая из определенного набора текстов и выступающая основой *презумции интертекстуальности* (предречевая готовность носителя, его текстовый потенциал), предстает как *интертекстуальная энциклопедия*, которая включает в себя *универсальный, национальный и индивидуальный энциклопедические коды*.

Разработанная авторская многослойная структура интертекстуальной энциклопедии складывается из разных типов энциклопедических знаний и опирается на: устойчивое *ядро*, состоящее из постоянно востребуемых текстов – «*сильные интертексты*» (*национальная и универсальная энциклопедии*); *динамический пласт* когнитивного уровня, определяемый интертекстами, представляющими моментальные снимки ассоциативно-языкового сознания – «*слабые интертексты*» (*национальная и индивидуальная энциклопедии*); *интертекстуальную периферию* – самый подвижный комплекс когнитивного уровня, который обусловлен вытеснением «*сильных интертекстов*» из ядра интертекстуальной энциклопедии (*национальная, индивидуальная и универсальная энциклопедии*).

Выявленные автором «*сильные интертексты*» и «*слабые интертексты*», одинаково участвующие в формировании коллективного когнитивного сознания, являются исторически обусловленными категориями и отличаются исключительно активностью бытования в социуме.

5. Русский художественный дискурс на рубеже XX-XXI вв. перешел на новый виток развития культурной парадигмы и характеризуется тенденцией к преодолению цитатности как безличия и к восстановлению авторского дискурса в хоре других «голосов». Интертекстуальность и интердискурсивность современного прозаического текста не прямо вытекают из эстетики постмодернизма, но обусловлены ее влиянием. Возрождение более традиционных поэтических приемов (четкость композиции, равновесие между формой и содержанием и др.) свидетельствует о формирующемся «компромиссе» между постмодернизмом и традиционализмом с возвратом интереса к конкретной человеческой личности.

В творчестве современных писателей наблюдается поиск новых средств самовыражения в связи с распадом парадигмы постмодернизма и с

необходимостью проектировать их заново, что находит свое проявление в установке на интертекстуальность, но уже с эксплицитным звучанием голоса автора в плане обращения к заимствованиям, цитатам и клише («новая лирика» Л.С. Рубинштейна как поэтика раскавычивания; метаязык В.Г. Сорокина как фактор смыслопорождения с отчетливо выраженным мифологизмом; срастание многообразных интертекстов с самовыражением авторского «Я» в творчестве М.П. Шишкина и др.).

6. Феномен интертекстуальности неразрывно связан с языковой личностью, формирующейся в рамках определенного лингвокультурного сообщества. Интертекст как специфичная лингвокультурная единица является системо- и смыслообразующей категорией формирования *поликультурной языковой личности*, способной к иноязычному общению на межкультурном уровне и ориентированной на другие культуры через систему ценностей собственной культуры. Диалог предстает попыткой сократить дистанцию между разными видами «энциклопедий» – индивидуальной и национальной.

В сознании и речевом поведении глубоко инкультурированной языковой личности может иметь место *межкультурный сдвиг*, что соотносится с *интертекстуальной интерференцией*: опыт, переживаемый в рамках родного культурного пространства, подвергается более или менее глубокой «переделке» в двух разных перспективах – языковой и ментальной.

Диалог между культурами возможен благодаря способности личности к внутреннему диалогу, двуязычие (многоязычие) которой проявляется не в простом знании языковых кодов, а на более глубоком уровне сугубо индивидуального владения разными лингвокультурными системами мышления.

Жизнь и творчество («жизнь в творчестве») В.В. Набокова – постоянное взаимодействие разных языковых и лингвокультурных кодов. Применяемые им в автопереводах интертекстуальные стратегии определяются поликультурной («многокультурной») природой его языковой личности и объясняются особенностями многоязычного сознания.

7. Определенная культура, войдя в некую культурную общность, «начинает резче культивировать свою самобытность», при этом и другие культуры кодируют ее как «особую», «необычную». Постоянным признаком межтекстовых отношений как в рамках одной культуры, так и в межкультурном общении, интенсивным полем интертекстуальных связей выступает перевод. Интерпретируемый как интертекст перевод является формой существования семиотического опыта одной лингвокультуры в знаковых средствах другой лингвокультуры, совмещающей интертекстуальные пространства исходного и переводного текстов.

Междисциплинарный подход к переводу как средству формирования «интертекстуальной компетенции» позволяет акцентировать внимание на соотношении «перевод» – «принимающая культура», при этом без владения системой ключевых концептов «другой» культуры и выражающих их культурно-значимых (специфичных лингвокультурных) единиц полноценное межкультурное общение немислимо.

При переводе язык превращается в активную когнитивную систему, обеспечивающую прагматику общения поликультурной языковой личности, и способствует как овладению динамикой межкультурного общения, так и развитию билинговокогнитивного сознания, действующего в «третьем» по отношению к родной и иноязычной картинах мира культурном пространстве – непредсказуемом «генераторе новых смыслов».

При координативном типе билингвизма каждая речевая реализация связана с отдельной системой понятий, поэтому переход от одного языкового кода к другому предполагает смену интертекстуального национального кода. При субординативном билингвизме смена языкового кода не всегда сопровождается переходом на другую систему энциклопедических знаний, поскольку доминирующим является интертекстуальный национальный код родной лингвокультуры.

8. Взаимопроникновения европейской и русской культур вылился в диалог русско-итальянских взаимовлияний в различных сферах социально-культурной жизни. В настоящее время «итальянский текст в русской культуре» и «русский текст в итальянской культуре» выступают как реалии бытия, вмещающие широкий круг текстов, обнаруживающих и явные заимствования, и интертекстуальные переклички, и скрытые культурные и языковые влияния. Данные феномены – особый интертекстуально обусловленный литературный пласт, который живет как единица национального сознания, как комплекс смыслов и переживаний.

9. Проблематика воспроизведения культурно-специфического интертекстуального кода в тексте *художественного перевода* соотносится с распространением культуры «вглубь» (дословный перевод, сопровождаемый комментированием) или «вширь» (функционально-эквивалентный перевод, направленный на создание новых интертекстуальных отношений).

Ментальная динамичность интертекстуального преломления при переходе с одного языка на другой проявляется в способах транслирования интертекстов в переводе. Основные стратегии передачи интертекстуальных элементов в иноязычную лингвокультуру предстают как: поиск функционально-адекватного эквивалента в принимающей лингвокультуре; обращение к сложившемуся в рамках принимающей культуры переводческому канону; дословная передача с сопроводительным комментарием, в результате чего интертекст остается чуждым для принимающей культуры элементом; дословная передача без комментария с потерей основного для интертекста критерия его перцептивной и продуктивной маркированности. Наибольшую сложность вызывает передача в иноязычную культуру семантической ёмкости интертекста-мема.

Выведенные модели интертекстуальных переводных эквиваленций отражают алгоритм перевода и способы компенсации смысловых потерь: «КОНГР» – модель реализуется, когда интертекст присутствует одновременно в нескольких лингвокультурах; «ДИВЕРГ» – стратегия «адаптации»; «ДОСЛ» – стратегия дословного перевода с комментарием, когда интертекст иноязычной культуры вводится в принимающую культуру с целью ее развития «вглубь»; «ZERO» – описательный перевод или снятие при передаче в иноязычную

лингвокультуру сложных интертекстуальных явлений (гипертекстуальность, пародирование и др.). Переводной текст обычно носит гибридный характер, и при его целостном рассмотрении нередко выявляются экспериментальные стратегии использования разных приемов, что вполне отвечает самой природе феномена перевода.

10. Киновек ознаменовал собой активное освоение языка визуального искусства как эффективного метода создания многоголосия, задающего альтернативные пути прочтения текста, что обуславливает особую роль кино в формировании картины мира отдельного индивида и общества в целом. Поскольку кинотекст предстает важнейшим элементом коммуникативного смыслопорождения, переводные фильмы являются средством создания образа «чужой» культуры, феноменом синтеза смыслов.

Основная сложность киноперевода просматривается в возможности и степени адаптации текста в другую культурную среду с иной системой ценностей и понятий, при которой возникает особая проблема – соотношение разных культур и культурных традиций. Именно этим фактором объясняются неизбежные смысловые потери в понимании переводных фильмов. За редким исключением идиомы исходного фильма превращаются в скотомы в фильме переводном, что ведет к прагматической асимметрии в плане функционирования интертекстов, подчас кардинально меняющей смысловое содержание кинотекста.

Основополагающее значение в восприятии и распознавании интертекстуальных элементов в кинопереводе имеет культурная память (*универсальная и национальная энциклопедии*) и фоновые знания представителей принимающей культуры (*индивидуальная энциклопедия*).

Теоретическая и практическая значимость исследования обуславливается заявленной темой и проявляется в теоретическом обосновании лингвокультурологической классификации прецедентных культурных феноменов, определяющих совокупность структурных и смысловых расхождений между русским и итальянским лингвокультурными сообществами.

В работе теоретически обосновывается понимание национальной культуры и формируемого в ее лоне языкового сознания как интертекстуального явления, а также определяется статус интертекста как лингвоспецифичного концепта языковой картины мира и системообразующего принципа процесса формирования компетенций поликультурной языковой личности.

Полученные данные дают возможность расширить научные представления о механизмах работы языкового сознания, билингвального языкового сознания, а также о трансформациях интертекстуального алгоритма в межкультурном общении.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его теоретических и практических результатов в лингвокультурологии и межкультурной коммуникации. Полученные результаты и выводы могут служить основой теоретических и прикладных сравнительно-сопоставительных исследований различных языковых картин мира с целью выявления межкультурных лакун. Используемый в исследовании инструментарий

применяется при разработке курсов теории культурологии, философии культуры, лингвострановедения, теории и практике преподавания иностранных языков.

Апробация результатов исследования. Основные теоретические положения и выводы диссертации представлены и обсуждены на международных, всероссийских и научно-практических конференциях: «Текст. Интертекст. Культура» (Институт русского языка им. В.В. Виноградова, РАН, Москва, Россия, 2000); «Университетское переводоведение. Фёдоровские чтения» (Санкт-Петербург, Россия, 2002, 2003, 2006, 2007); «Русский язык и русская языковая картина мира» (Гранада, Испания, 2010); «Теория литературы в свете языкознания» (Торунь, Польша, 2010); «Диалог культур: “русский текст” в итальянской культуре, “итальянский текст” в русской культуре» (Институт русского языка им. В.В. Виноградова, РАН, Москва, Россия, 2011); «Национальная литература и культурная глобализация» (Тбилиси, Грузия, 2013, 2014); «Сохранение, поддержка и продвижение русской культуры и языка за рубежом» (Минск, Белорусь, 2015, 2016); на симпозиумах по изучению языков и культур Восточной Европы (Сан-Франциско, США, 2017; Бостон, США, 2018); «Русский язык в глобализированном мире» (Пиза, Италия, 2017); «Григорьевские чтения» (Институт русского языка им. В.В. Виноградова, РАН, Москва, Россия, 2015, 2017); «Проблемы поэтического языка» (Институт русского языка им. В.В. Виноградова, РАН, Москва, Россия, 2017); «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии» («Диалог-17» Москва, Россия, 2017; «Диалог-18» Москва, Россия, 2018); Ломоносовские чтения (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, 2018, 2019).

Результаты исследования отражены в 64 публикациях (из них: 4 монографии, 2 учебника, 9 статей в журналах, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования Scopus, WoS и 8 статей в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК).

Апробация диссертации и внедрение результатов исследования проводились в форме лекций и семинарских занятий на кафедрах: русского языка и литературы Пизанского Государственного университета в Италии (спецкурсы «Интертекстуальная компетенция в структуре языковой личности», «Интертекстуальные эквиваленции и художественных перевод: национально-культурные особенности восприятия и способы передачи»); культурологии Института современного искусства в преподавании иностранных языков и страноведения. Значимость выводов и практическое внедрение результатов исследования подтверждаются справкой и сертификатом из указанных вузов.

Диссертация обсуждена на заседании кафедры семиотики и общей теории искусства ФГБОУ «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 4 декабря 2018 года и рекомендована к защите.

Соответствие паспорту специальности. Проблематика и выводы диссертации соответствуют паспорту специальности 24.00.01 – Теория и история культуры, а именно п. 1.22. «Культура и национальный характер», 1.23. «Личность и культура», 1.25. «Язык как феномен культуры, как проявление национального своеобразия и фактор межкультурного общения», 1.28. «Культурные контакты и взаимодействие культур народов мира»,

1.30. «Художественная культура как целостное образование, ее строение и социальные функции».

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, трех глав (девяти параграфов), заключения, библиографического списка. Объем основного текста составляет 360 страниц. Работа проиллюстрирована 5 таблицами. Библиография насчитывает 818 наименований, из которых 237 на иностранном языке.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновывается актуальность предложенной темы, анализируется степень научной разработанности проблемы, формулируются научная гипотеза, определяются цели, задачи объект и предмет исследования, излагаются методологические основы диссертации, формулируются положения, выносимые на защиту, обосновывается научная новизна, отражается теоретическая и практическая значимость полученных результатов, описывается структура работы.

В первой главе **«Культурологическое измерение интертекстуальности»**, состоящей из двух параграфов, рассматриваются проблемы интертекстуальных связей, сопряженных с культурно-языковым взаимодействием; уточняется специфика отдельных понятий, имеющих непосредственное отношение к феномену интертекстуальности; выявляется роль интертекста как коммуникативной категории в поле культуры. Интертекстуальность предстает органичным свойством культуры, сквозь призму которой носители языка/культуры интерпретируют действительность.

В первом параграфе **«Становление теории интертекстуальности»** диссертант освещает основные теоретические подходы к интертекстуальности (Б.М. Гаспаров, Ю.М. Лотман, Н.А. Фатеева, А.М. Эткинд, Р. Барт, Р. Лахманн, Ю. Кристева, М. Корти, Ч. Сегре, П. Тороп, У. Эко и др.) и показывает, насколько разнообразно могут классифицироваться интертекстуальные связи: по степени выраженности (скрытая/явная интертекстуальность); по функциям (отсылка к источнику, призванная модифицировать смысл высказывания или же вводить новую информацию); по качествам интертекста как тропа или как литературного соперничества; в качестве основного приема порождения текста у постмодернистов.

Многообразии теоретических подходов, отличающихся друг от друга стремлением осветить какую-то определенную грань интертекстуальности, автор условно делит на три крупные семьи:

- параграмматическую, объединяющую все модели интертекстуальности, которые восходят к Ф. де Соссюру (например, работы Ю. Кристевой, М. Риффатерра и др.);

- диалогическую, которая охватывает исследования, восходящие к бахтинской традиции (исследования Р. Барта, Ю.М. Лотмана, Ю. Кристевой и др.);

- эволюционную, отсылающую к теории Ю.Н. Тынянова, Пражской семиологической школе (прежде всего, работы по эстетике Я. Мукаржовского), учению Ж. Женетта и к школе итальянской филологической семиотики (Э. Гаррони, Дж.Ф. Контини, М. Корти, Ч. Сегре, У. Эко и др.).

Анализ идей М.М. Бахтина, А.Н. Веселовского, Ю.Н. Тынянова, а также «гения психологии» Л.С. Выготского, показал, что, пытаясь постичь действующие в культуре коммуникативные механизмы, связанные с творчеством, каждый из них так или иначе касался контекста интертекстуальности. Суть феномена интертекстуальности очень точно была подмечена в философской концепции Бахтина, раскрывающей непрерывные диалогические возможности как слов, так и текстов: «каждое большое и творческое словесное целое есть очень сложная и многоплановая система отношений». В каждом слове присутствуют «голоса иногда бесконечно далекие, безымянные, почти безличные (голоса лексических оттенков, стилей и проч.), почти неуловимые, и голоса близко, одновременно звучащие»¹³. Закладывая основы изучения данного феномена, мыслители сходились в том, что любое художественное произведение сопряжено с обогащением, и его смысловая составляющая способна «расти, досоздаваться далее» и на «новом фоне» раскрывать «все новые и новые смысловые моменты»¹⁴, при этом «каждая эпоха по-своему переакцентирует произведения ближайшего прошлого»¹⁵.

Особую значимость для диссертационного исследования имеют идеи Ю.М. Лотмана о языковой системе, которая находится в постоянном состоянии динамики, в результате объем и характер передаваемой информации видоизменяется, «при этом и речи быть не может о том, чтобы в порядке сознательного акта отбросить старую систему кодировки и заменить ее новой: происходит непрерывное *стихийное* усложнение существующей системы. Поэтому язык включает в себе не только код, но и историю кода»¹⁶. Протяженная в пространстве художественная конструкция требует, по Лотману, постоянного возврата к, казалось бы, уже выполнившему информационную роль тексту, сопоставления его с дальнейшим текстом. При этом и старый текст раскрывается по другому, «выявляя скрытое прежде семантическое содержание»¹⁷. Анализируя систему обратных связей, существующих между всеми элементами и их уровнями, которые позволяют художественному произведению приобретать известную самостоятельность после создания и вести себя как сложная структура с обратными связями, ученый доказывает, что любое художественное произведение живет жизнью истории.

Размышления Лотмана о многогранности и многозначности произведения искусства отразились в текстуальных теориях У. Эко, подчеркивающего важность

¹³ Бахтин М.М. Проблема текста: Заметки 1959–1961 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_text.htm.

¹⁴ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 331-332.

¹⁵ Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худ. лит, 1975. – С. 231-232.

¹⁶ Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике // Тартуско-московская семиотическая школа. – М.: Гнозис, 1994. – Ч. I. – С. 68-69.

¹⁷ Там же. – С. 120.

«внетекстового знания», необходимого для расшифровки «заигрывающих с интертекстуальностью» цитат, и рассматривающего текст как «презумпционное устройство», а произведение искусства – как двойственное сообщение, где многообразие означающих воплощается в одно означаемое¹⁸.

Из огромного числа работ, представляющих отечественную традицию в области исследования интертекстуальности (И.В. Арнольд, А.К. Жолковский, И.П. Ильин, Ю.М. Лотман, И.П. Смирнов, Н.А. Фатеева и др.), особого внимания заслуживают труды известного специалиста по поэтике К.Ф. Тарановского, который, размышляя о возвращающихся темах, вводит термины «контекст», или «группа текстов, содержащих один и тот же или похожий образ», и «подтекст», приравниваемый к «радости узнавания, радости открытия» и формулируемый как уже существующий текст, отраженный в последующем, новом тексте¹⁹.

Интертекстуальность как культурный феномен предстает, по мысли диссертанта, сложной системой смыслопонимания и смыслопорождения в коммуникативном поле культуры. Разные виды и формы межтекстовых взаимодействий, формирующих интертекстуальное пространство, эксплицируются в способности текста формировать (полностью или частично) свой собственный «новый» смысл через отсылки к другим текстам.

Во втором параграфе «*Коммуникативная природа интертекста*» автор изучает специфику отдельных понятий, имеющих непосредственное отношение к проблематике интертекстуальности («чужое слово», «цитата», «цитация», «цитирование», «реминисценция», «имитация», «аллюзия», «аллюзивное искусство», «syllepsis», «aemulatio/reductio» и др.), без осмысления которых невозможно исследование особенностей интертекста как коммуникативной категории и выявление роли данного феномена в поле культуры. Необходимость подобного анализа объясняется существующими на данный момент многообразными интерпретациями термина «интертекст» в научной литературе, которые привязаны к разным функциональным уровням.

Интертекст в парадигме национальных культур выступает одним из важнейших механизмов коммуникативного смыслопорождения. Коммуникативный статус интертекста подтверждается классификацией его разнообразных типов и интертекстуальных отношений, разработанной и выведенной на основе научных изысканий М.П. Брандеса, А.К. Жолковского Т.Б. Маклаковой, И.П. Смирнова, Н.А. Фатеевой и др.

В интертексте язык представляет собой гигантский мнемонический конгломерат (Б.М. Гаспаров²⁰), в котором уравниваются отдельные тексты и отсутствует аксиологическая шкала, поскольку значимым является лишь тот факт, что они кем-то когда-то были сказаны. Другим важным свойством интертекста,

¹⁸ См: Eco U. Opera aperta. Forma e indeterminazione nelle poetiche contemporanee – Milano: Bompiani, 1967. – 384 p.; Eco U. Lector in fabula. La cooperazione interpretativa nei testi narrativi. – Milano: Bompiani, 1979. – 239 p. и др.

¹⁹ Тарановский К.Ф. Очерки о поэзии О. Мандельштама // О поэзии и поэтике. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 13-208.

²⁰ Гаспаров Б.М. Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. – М.: НЛЮ, 1996. – С. 14.

вытекающим из положения Бахтина о высказывании, которое не может быть ни первым, ни последним (М.М. Бахтин²¹), является то, что интертекст безграничен во времени и пространстве и в целом находится в состоянии хаоса, упорядочиваясь только при востребовании.

Поскольку интертекстами пронизаны не только тексты сугубо нарративные, но и в не меньшей мере повседневное общение, язык массовой информации, тексты публицистические и полемические, соискатель выявляет лингвокультурологическую природу интертекста как единицы дискурса, за которой стоит прецедентный текст или прецедентная ситуация, формирующие его смысл. Подобное осмысление данного феномена привело автора к анализу отдельных аспектов межтекстовых отношений, затрагивающих проблематику семантического веса повторяемых словосочетаний в обыденных и художественных текстах; проявления разных форм языковой памяти и др.

Структурная организация интертекста может быть простой (микроинтертекст) и сложной (макроинтертекст). Диссертант, исходя из данного положения, классифицирует интертексты по принципу связанности/несвязанности с породившим их источником и вводит в научный оборот понятие «*интертекст-мем*».

Базирующиеся на цитате вербальные мемы схожи с интертекстами-мемами, однако полностью с ними не совпадают. Разница между мемами и интертекстами-мемами, с точки зрения соискателя, имеет принципиальное значение и проявляется, во-первых, в том, что последние в большинстве своем связаны с национальным интертекстуальным кодом, в то время как одни и те же мемы часто присутствуют в разных лингвокультурах, что придает национальным энциклопедиям черты эклектичной мультикультурности; во-вторых, интертексты-мемы обычно укрепляются в речи, а мемы рождаются, быстро распространяются и также быстро умирают, поэтому актуальность приобретает не столько анализ функционирования отдельных мемов, сколько исследование механизма образования мемов («*мемизация*» коммуникации²²).

Автор осмысливает интертексты-мемы как особый класс в силу следующих причин: они полностью отвечают критерию оценки по перцептивной и продуктивной маркированности (т.е. являются необязательными в употреблении; существуют исключительно на фоне нейтральных высказываний); сообщают высказыванию дополнительный смысл (т.е. обладают интенсивностью информационного воздействия); требуют адекватного восприятия со стороны адресата. Одновременно от цитат, использующихся как стилистическая фигура, их отличает то, что они не придают высказыванию индивидуальных черт, а их функция связана с социализацией личности, вследствие чего интертексты-мемы часто используются как лингводемагогический прием, отражающий результат коллективного опыта.

²¹ Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 364.

²² Кронгауз М.А. Язык в интернете [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.postnauka.ru.

Интертексты-мемы, составляющие имплицитное знание, в котором сосредоточена базовая аксиоматика национального языкового сознания, выступают знаками, выполняющими в общении функцию культурного кода, знание которого позволяет индивиду идентифицировать себя с определенным лингвокультурным сообществом. Исходя из теоретической предпосылки, что когнитивная база задает систему оценок, бытующую в том или ином обществе, и выполняет функцию, аналогичную той, которую ранее выполнял миф, диссертант интерпретирует интертексты в лингвокультурологической перспективе как ядерные элементы языковой картины мира.

Вторая глава **«Интертекст в культуре рубежа XX-XXI вв.»**, состоящая из четырех параграфов, посвящена интертекстуальному полю современной культурной парадигмы.

В первом параграфе **«Интертекст – основа национального языкового сознания»** автор обосновывает, что в лингвоментальном комплексе задана презумпция интертекстуальности, т.е. текстовый потенциал носителя языка, который активизируется в зависимости от прагматических условий коммуникации, выливаясь в стратегию интертекстуальности. Область культурной памяти, представленная определенным набором текстов, которые составляют основу *презумпции интертекстуальности*, осмысливается соискателем как *«интертекстуальная энциклопедия»*, включающая в себя *универсальный, национальный и индивидуальный интертекстуальные коды*.

В процессе коммуникации каждый из ее участников пользуется лингвокультурным кодом, преломленным через индивидуальную энциклопедию, которая, в свою очередь, является отражением национальной энциклопедии. При отсутствии областей пересечения вербально-семантического и когнитивного уровней коммуникация состояться не может (Ю.М. Лотман в этой связи говорит о «вавилонской башне» семиозиса культур²³), в то же время, любой состоявшийся коммуникативный акт – это всегда «перевод» кода адресанта на код адресата, которые из-за индивидуализации полностью совпадать не могут.

На основе предложенного Р. Бартом деления на сильные и слабые мифы²⁴, а также с опорой на теорию Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского²⁵, согласно которой мифами могут считаться разного рода тексты, диссертант проанализировал понятия *«сильный интертекст»* и *«слабый интертекст»* и выявил в структуре интертекстуальной энциклопедии устойчивое ядро, представленное постоянно востребуемыми текстами («сильные» интертексты), и динамичный пласт, который составляют интертексты, являющие собой моментальные снимки ассоциативно-языкового сознания («слабые» интертексты).

Коллективная память, обосновывает автор, относительно стабильна, даже несмотря на то что национальный интертекстуальный код не является чем-то неизменным в своей сущности, т.к. каждая эпоха и каждое поколение

²³ Лотман Ю.М. Об искусстве. – СПб: Искусство-СПб, 2000. – С. 564.

²⁴ Барт Р. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1994. – С. 113.

²⁵ Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский Миф – имя – культура // Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. – СПб.: Искусство, 2000 – С. 520-544.

осуществляет отбор актуальных для себя текстов или иначе прочитывает старые. В обычных условиях на каждом отдельном этапе языкового преемства происходят лишь частичные изменения, поэтому вытеснение некоторых сильных интертекстов на периферию коллективного сознания носит временный характер и составляет первоочередной предмет для культурологического анализа. Соискатель доказывает, что «сильные интертексты» и «слабые интертексты» одинаково участвуют в формировании коллективного когнитивного сознания, являются исторически обусловленными категориями и отличаются исключительно активностью бытования в социуме.

Данное положение подтверждается *экспериментами*, имеющими целью выявление векторов ассоциаций при восприятии национально-обусловленных интертекстов носителями русского и итальянского языков²⁶. *Предмет эксперимента* составили единицы, конституирующие когнитивный уровень, а именно: *прецедентные тексты* (интертексты, входящие в ядро национального русского энциклопедического кода; интертексты, являющиеся частью универсального энциклопедического кода; интертексты, составляющие динамическую периферию национального русского энциклопедического кода), прецедентные имена собственные и генерализированные высказывания. Поскольку прецедентные тексты входят в фонд национального энциклопедического кода, составляя часть апперцепционной базы, они рассматривались исследователем как разновидность *пресуппозиции*.

При разработке анкет соискатель обнаружил лингвокультурные несоответствия в интертекстуальном составе не только национальных энциклопедических кодов (что было вполне предсказуемо), но в том числе между сильными интертекстами, входящими в русский и итальянский универсальные энциклопедические коды.

Изучая вербально выраженную реакцию участников эксперимента на интертекст в рамках неоконченных предложений, диссертант исходил из предположения, что поставщиком синтаксем в ответах носителей языка на стимулы должны явиться готовые интертекстуальные коммуникативные блоки (фрагменты из широко известных прецедентных текстов), а не созидательная порождающая мысль индивида, поэтому ожидалась спонтанная реакция респондентов.

Эмпирическим путем было выявлено:

- высокой степенью стандартности и воспроизводимости как у русских (88.25%), так и у итальянских (87.25%) респондентов обладают интертексты, составляющие ядро национального энциклопедического кода (канон школьного образования);

- высокий процент узнаваемости «сильных» интертекстов, составляющих динамическую периферию национального энциклопедического кода,

²⁶ Эксперимент проводился в 2016-2018 гг. со студентами 1-2 курсов бакалавриата факультета искусств и факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, а также со студентами-магистрантами департамента филологии, литературоведения и языкознания Пизанского госуниверситета. В опросе приняли участие 60 русских и 60 итальянских студентов.

зафиксирован в обеих группах респондентов: 72,5% в группе носителей русской лингвокультуры и 71,25% у представителей итальянской лингвокультуры;

- наибольшие лакуны в интертекстуальной компетенции обнаружил универсальный энциклопедический код: 53.75% узнаваемости в группе носителей русской лингвокультуры и 61.25% у итальянских респондентов.

Была доказана экспериментальная гипотеза, которая основывалась на допущении автора, что стереотипы сознания как психологические феномены соотносятся с лингвистическими феноменами – языковыми клише, лингвоспецифичными словами и выражениями, интертекстами-мемами, проявляющимися в коммуникации посредством ассоциаций. Критерием разграничения двух основных типов ассоциаций является апелляция (или отсутствие таковой) к прецедентному феномену. В одном случае имеет место свободная ассоциация, во втором – ассоциация предсказуемая (ассоциация-штамп).

Во втором параграфе *«Векторы преломления интертекстуального национального сознания в современном художественном дискурсе»* автор сопоставляет в русле теории интертекстуальности коммуникативные стратегии повседневного общения и не-литературных жанров с лингвостилевыми тенденциями современного художественного текста (свободная игра с интертекстуальными механизмами, подражание мастерам, имитация нарративных приемов, внешние интертекстуальные заимствования одновременно с восстановлением авторского дискурса в хоре других «голосов», возвратом к отдельной человеческой личности, преодолением цитатности, четкостью композиции, равновесием между формой и содержанием и т.д.); объясняет изменения в языке литературы общими языковыми процессами (заимствования, неологизмы, жаргонизмы, сокращения и т.д.) и идиолектами отдельных писателей.

Анализ произведений современных авторов (М.Ю. Елизаров, В.В. Ерофеев, Ю.В. Мамлеев, С.А. Миляев, Е.Г. Попов, Л.С. Рубинштейн, В.Г. Сорокин, М.П. Шишкин и др.) позволил соискателю выявить два вектора развития современного художественного дискурса: первый связан с поиском новых средств выражения и вызван, с одной стороны, потребностью в переосмыслении произошедших на уровне языкового поведения перемен и стремлением к определенному синтезу, а с другой – глубинной полемикой с парадигмой постмодернизма его же методами, усвоенными и приспособленными к новым культурным обстоятельствам; развитие второго вектора диссертант объясняет информационно-культурной глобализацией и мемизацией современной коммуникации, которые в совокупности привели к изменению принципов взаимодействия универсальной, национальной и индивидуальной интертекстуальных энциклопедий и дали толчок к формированию постнациональных лингвокультурных картин мира, выявив необходимость перехода на новую стратегию культурологической парадигмы образования и определения того, какого рода культурная компетентность требуется в изменившихся условиях.

Третий параграф *«Поликультурная языковая личность и интертекстуальная компетенция»* посвящен исследованию проблематики, связанной с формированием *поликультурной языковой личности*, которую автор осознает как личность индивида, владеющего одним и более иностранными языками и ориентированного на другие культуры через систему ценностей собственной (родной) культуры. Особенности полилингвального сознания, проявляющиеся в специфике организации языковой личности в экспрессивно-коммуникативном плане, были проанализированы диссертантом на материале интертекстуальных преломлений в автопереводах В.В. Набокова.

Соискатель интерпретировал автоперевод как частный случай межкультурного общения, направление и характер которого во многом обусловлены языковой и культурной компетенциями коммуникантов, определяющими выбор коммуникативного поведения, в том числе интертекстуального. В диссертационном исследовании продемонстрировано, что автопереводы Набокова представляют собой творческое взаимодействие миров, порождающее культурный синтез, в котором разноязычные версии сливаются в один гипотетический текст. Автор выявил, что при координативном двуязычии (многоязычии) формируется совершенно иное отношение языковой личности к каждому языку и соответствующей культуре, которые воспринимаются не изолированно, а через призму другого языка/иной культуры. Именно такое остранение позволяет поликультурной языковой личности иначе оценивать некоторые культурные единицы и ведет к особому, полилингвальному речевому поведению как следствию диалогической природы творческого сознания, которое у Набокова принимает форму важного принципа создания текста.

Иллюстрацией набоковской стратегии переключения национальных энциклопедий (каждая из которых располагает собственным набором сильных интертекстов) с целью создания/воссоздания игрового момента служат отрывки из русской («Другие берега» (1954)) и английской («Speak, Memory: An Autobiography Revisited» (1967)) версий автобиографии писателя. Игра автора с читателем, предполагаемая обязательное узнавание интертекста, эксплицируется Набоковым, например, невежеством гувернера: в русском тексте – через незнание им «Евгения Онегина» А.С. Пушкина, а в английском варианте – путем приписывания авторства «Хижина дяди Тома» Ч. Диккенсу:

*«К этому времени я уже не нуждался в каком-либо надзоре, учебной же помощи он не мог мне оказать никакой, ибо был безнадежный неуч (проиграл мне, помню, великолепный кастет, побившись со мной об заклад, что **письмо Татьяны начинается так: “Увидя почерк мой, вы верно удивитесь”**) <...>»²⁷.*

«<...> since, at that late date, neither my brother nor I needed much the educational help that an optimistic patron of his had promised my parents the wretch could give us. In the course of our very first colloquy he casually informes me that

²⁷ Набоков В.В. *Другие берега* // *Собрание сочинений*: в 4 т. – М.: Правда, 1990. – Т. 4. – С. 235.

Dickens had written Uncle Tom's Cabin, which led to a pounce bet on my part, winning me his knuckle-duster»²⁸.

Другая важная интертекстуальная стратегия построения Набоковым игрового момента заключается в использовании приема компенсации, например, при передаче интертекстов, восходящих к разным энциклопедическим кодам – русскому (Анна Каренина и Дама с собачкой) и французскому (Эмма Бовари):

«...этот лорнет я впоследствии нашел у Эммы Бовари, а потом его держала Анна Каренина, от которой он перешел к Даме с собачкой и был ею потерян на ялтинском молу»²⁹.

В английской версии автобиографии аллюзия на чеховскую «Даму с собачкой», не входящую в универсальный энциклопедический код (в отличие от «Мадам Бовари» и «Анны Карениной»), эксплицируется через добавление имени Чехова:

«That lorgnette I found afterward in the hands of Madame Bovary, and later Anna Karenina had it, and then it passed into the possession of Chekhov's Lady with the Lapdog and was lost by her on the pier at Yalta»³⁰.

Аналогичные интертекстуальные преломления выявляет сопоставительный анализ автоперевода «Лолиты».

Для диагностики уровня развития интертекстуальной компетенции двуязычных респондентов в ракурсе «теории лакун»³¹ и согласно концепции прецедентности³² автором были разработаны анкеты, выявляющие уровень информированности респондентов об интертекстуальных феноменах в родной и в приобретенной лингвокультурах (далее - ЛКС1 и ЛКС2). Участники эксперимента были разбиты на 3 группы: первую группу составили респонденты, которые овладели двумя языками (далее – Я1 и Я2) одновременно (координативный тип билингвизма); вторую группу – респонденты, для которых усвоение Я2 протекало в естественных условиях с использованием приемов стимулирования спонтанной речи; третью группу – респонденты разного возраста, для которых изучение Я2 строилось на принципах поэтапного формирования коммуникативных компетенций. Группа билингов с субординативным двуязычием получилась менее однородной (по возрасту, образованию и профессии респондентов) и включает в себя следующие подгруппы: 1) респонденты, овладевшие русским и итальянским языками с детства в семье; 2) респонденты – носители русского языка как родного, переехавшие в Италию с родителями, получившие образование уже в Италии и говорящие по-русски только в семье (обычно с одним из родителей); 3) респонденты – носители русского языка как родного,

²⁸ Nabokov V. Speak, Memory: An Autobiography Revisited. – New York: Vintage International, 1989. – P. 168.

²⁹ Набоков В.В. Другие берега, 1990. – С. 249.

³⁰ Nabokov V. Speak, Memory: An Autobiography Revisited, 1989. – P. 202.

³¹ Сорокин Ю.А. Психолого-лингвистические аспекты изучения текста. – М.: Наука, 1985. – 168 с.

³² См.: Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. – М.: ИКАР, 1997. – 561 с.; Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 152 с.

переехавшие в Италию с целью получения высшего образования, для которых итальянский является иностранным языком (далее – ИЯ); 4) респонденты – носители итальянского языка как родного, для которых русский язык является ИЯ и используется в профессиональной деятельности; 5) респонденты – носители русского языка как родного, для которых итальянский язык является ИЯ и используется в профессиональной деятельности; 6) проживающие в Италии носители русского языка, для которых итальянский язык является ИЯ и не используется в профессиональной деятельности; 7) носители итальянского языка как родного, проживающие в Италии и изучающие русский язык как ИЯ³³.

Результаты эксперимента позволили соискателю сделать следующие выводы: в условиях естественного билингвизма более высокий уровень интертекстуальной компетенции наблюдается в лингвокультуре, в рамках которой получается образование (хронологически вторая лингвокультура, таким образом, может вытеснить первую лингвокультуру); при субординативном типе двуязычия наблюдается очевидное доминирование интертекстуального кода ЛКС1; высокий уровень владения интертекстуальными кодами в родной и в иноязычной лингвокультурах выявлен у респондентов, которые являются переводчиками художественной литературы. На основании полученных в результате эксперимента данных автор постулирует, что переводчик является образцом поликультурной языковой личности.

В четвертом параграфе «*Перевод как интертекст*» перевод осмысливается автором как связующее звено между двумя культурами и средство межкультурного общения, которое несет элементы различных культур и одновременно нацелен на сохранение национальной специфики. Язык культуры народа специфичен и уникален, он по-особому фиксирует в себе мир и человека в нем, создавая свою реальность, выступает выразителем определенной национальной ментальности. Поскольку в разных языках и культурах не совпадают «концептуальные системы», главной задачей, доказывает соискатель, является передача смыслового содержания переводимого текста, осознание неразрывности коммуникации и культуры, сближающей «свое» и «чужое».

Исследования в области взаимосвязи языка и культуры привели к формированию в настоящее время определенной научной базы для изучения поликультурной (полилингвальной) языковой личности. Объяснить стремление познать язык как «действительное сознание», воплощение социокультурных и персональных смыслов можно, взяв на вооружение мысль Б.А. Успенского, что язык, «моделируя мир», одновременно «моделирует и самого пользователя этим языком»³⁴, а также написание М.М. Бахтина, что мы «берем язык не как систему абстрактных грамматических категорий, а «язык мировоззрения» и даже как конкретное мнение, обеспечивающее максимум взаимного понимания»³⁵. При

³³ Эксперимент проводился с респондентами, владеющими русским языком как иностранным не ниже уровня С1 (уровень компетентного владения [ТРКИ-4]).

³⁴ Успенский Б.А. Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры. – М.: Гнозис, 1994. – Т. I. – С. 7.

³⁵ Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Литературно-критические статьи. – М.: Худ. лит-ра, 1986. – С. 471.

этом очевидным является факт недостаточной разработанности вопросов, касающихся возможностей и способов постижения концептуальных систем представителей других культур.

Междисциплинарный подход к переводу, в рамках которого внимание было перенесено с оппозиции «исходный текст» – «принимающий текст» на соотношение «перевод» – «принимающая культура», позволил автору сделать заключение о пользе перевода в процессе формирования поликультурной языковой личности, поскольку именно при переводе язык превращается в действующую когнитивную систему и способствует как овладению динамикой межкультурного общения, так и развитию полилингвокогнитивного сознания.

В третьей главе «Современный интертекст в диалоге культур», состоящей из трех параграфов, проблематика интертекстуальных эквиваленций вписана автором в контекст культурного диалога Италии и России, который привел к образованию «итальянского текста в русской культуре» и «русского текста в итальянской культуре», а художественный перевод исследован как интенсивное интертекстуальное поле взаимодействия русской и итальянской культур.

В первом параграфе «*“Итальянский текст” в русской культуре и “русский текст” в итальянской культуре XX-XXI вв.*» соискатель раскрывает, как начатый на заре современной эпохи в форме самобытной переработки русской культурой культуры европейской диалог Россия-Италия привел к зарождению «итальянского текста» в русской культуре и «русского текста» в итальянской культуре.

Автор интерпретирует «*итальянский текст*», включающий в себя другие топонимические тексты, самыми крупными из которых является «венецианский текст» (русская венециана³⁶) и «римский текст» (русская римлиана³⁷), как глубоко укорененный в русской культуре и показывает, что по мере его становления формировался устойчивый словарь коннотативных смыслов, способствующих восприятию самого «итальянского текста» как некоего целостного образования.

Соискатель указывает, что воссоздание любого текста – это всегда в той или иной мере акт мифотворения, и образ Италии в русской картине мире, неразрывно связанный с именем писателя и искусствоведа П.П. Муратова, во многом является идеализированным, существует в отрыве от эмпирической «встречи» со страной. Процесс становления в итальянской культуре со второй половины XX в. «анти-мифа» исследуется автором на материале творчества представителей послевоенного неореализма, с натуралистичной безжалостностью обнаживших брутальное «дно» нарядно приодетых фасадов (К. Малапарте, П.П. Пазолини и др.), а также через призму произведений современных итальянских писателей, которые являют собой образец стиля, этики и эстетики для создания не реалистического портрета эпохи, а пространства для выстраивания

³⁶ Меднис Н.Е. Венеция в русской литературе. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1999. – 392 с.

³⁷ Образ Рима в русской литературе: сб. ст.; науч. ред. Р. Джулиани, В.И. Немцев. – Самара: Изд-во ООО «НТЦ», 2001. – 222 с.

альтернативной логики, опровергающей силу воздействия мифа (Н. Амманити, М. Мадзантини, А. Нове, Э. Ферранте и др.). Особое внимание было уделено творчеству Р. Савьяно – автору «Гоморры», вернувшему литературе ее высший смысл.

Высказанная соискателем гипотеза, что в основе современного восприятия Италии в России лежит искусственная модель, в диссертационном исследовании подтверждена лингвокультурологическим анализом материалов журнала «Italia. Жизнь как искусство», который базируется на риторической модальности с субъективной доминантой.

Несмотря на многочисленные исследования последних лет, затрагивающие различные аспекты русского зарубежья, по сей день остаются малоизвестными такие интересные явления, как, с одной стороны, творчество русских писателей в Италии, а с другой – влияние русской культуры на итальянское общество. Помимо изучения современного «итальянского текста» диссертант проанализировал особенности «русского текста» в итальянской культуре, и показал, что иностранные колонии, входя в контакт с местным населением, способны обогащать культуру страны пребывания. Идентификация с русской культурой, которая не исключала стремления интегрироваться в итальянское общество, по мнению соискателя, обусловила тенденцию русских писателей, проживавших и творивших в Италии в начале XX в. (Е. Крюн, Л. Неанова, О. Фелин и др.), к сохранению собственных традиций и к их распространению в итальянском обществе. В диссертационном исследовании доказано, что если в первой половине XX в. литература развивала диалог русской и итальянской культур и одновременно становилась «вторым домом» для интеллигенции русской эмиграции, то в начале XXI в. сложился совершенно иной тип итало-русской беллетристики (рассмотрен на примере творчества Н. Лилина), свидетельствующий об исчезновении чувства непрерывности родного языка и об отсутствии в контексте иноязычной культуры изначальной установки на сохранения русской традиций и особенностей национального сознания.

Особую роль в интертекстуальном диалоге Италии и России соискатель отвел творчеству У. Эко, который в процессе сотрудничества с переводчиками своих романов на разные языки настаивал на необходимости адаптации интертекстов исходного текста к семиотическому универсуму принимающей культуры (теория функционально-эквивалентного перевода).

Второй параграф **«Интертекстуальные эквиваленции в переводе: вопросы сохранения национально-культурной специфики»** посвящен проблематике функционирования интертекстов в межкультурном общении, рассматриваемой с точки зрения распространения культуры «вширь» (культура быстро захватывает новый слой общества, но поверхностно, в упрощенных формах и без творческого преобразования) или «вглубь» (знакомство с культурой становится более глубоким, усвоение ее более творческим, а проявления более сложными)³⁸).

³⁸ Гаспаров М.Л. Брюсов-переводчик. Путь к перепутью // О стихах. – М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 129.

Феномен распространения культуры «вширь» автор связывает с функционированием переводного текста как самостоятельного произведения в принимающей культуре и обосновывает, что в этом случае передача интертекстуального поля исходного текста направлена на создание новых интертекстуальных отношений на основе последовательного семиотического анализа. При развитии культуры «вглубь» художественный перевод призван максимально точно воспроизводить особенности исходного текста, поэтому передача интертекстуальных знаков осуществляется путем комментирования их актуальных связей с источниками и интерпретируется диссертантом как диалог, ведущий к расширению возможности понимания «другого» как особой формы постижения мира, что перекликается с основными положениями философской герменевтики.

В диссертационном исследовании проанализированы следующие ситуации передачи интертекстов в художественном переводе: в культурах зафиксирован один и тот же интертекстуальный феномен (при этом важным оказывается степень тождественности восприятия интертекста); одно и то же значение выражается в культурах при помощи разных интертекстов (при этом важным оказывается степень тождественности значения интертекста); в одной из сопоставляемых культур эквивалентного по значению и по функционированию интертекста не существует (ниша интертекста не занята). На основании проведенного анализа автор выявляет алгоритмы интертекстуальных переводных эквиваленций: «КОНГР» – модель реализуется, когда интертекст присутствует одновременно в нескольких лингвокультурах; «ДИВЕРГ» – стратегия адаптации, в результате применения которой интертекст становится в принимающей культуре генератором новых смыслов; «ДОСЛ» – стратегия дословного перевода с комментарием, когда интертекст иноязычной культуры вводится в принимающую культуру с целью ее развития «вглубь»; «ZERO» – описательный перевод или снятие при передаче в иноязычную лингвокультуру сложных интертекстуальных явлений (гипертекстуальности, пародирования и др.).

Интертексты, входящие в универсальный энциклопедический код, при переводе сложности обычно не представляют (модель «КОНГР») за исключением случаев, когда один и тот же интертекст получает в различных культурах разное содержательное наполнение или обладает иными коннотациями.

В основе модели «ДИВЕРГ», по мнению соискателя, лежит стратегия адаптации, понимаемая как этноцентрическое приспособление исходного текста к ценностям принимающей культуры, что предполагает сокращение дистанции между исходной культурой и культурой принимающей. Наглядный пример реализации этой модели присутствует, например, в переводе на русский язык романа У. Эко «Маятник Фуко». Исходный текст содержит аллюзию на строчки из философского стихотворения итальянского поэта Дж. Леопарди «L'infinito» (1819) («Бесконечность»), который являет собой сильный для итальянской лингвокультуры интертекст:

«*Ma tra picco e picco si aprivano orizzonti interminati – al di là della siepe, come osservava Diotallevi, verbalizzando giudiziosamente le nostre scoperte*»³⁹.

Интертекст «*al di là della siepe*» (известная для итальянского читателя строчка «*Изгородь, отнявшая у взгляда...*») в переводе Е.А. Костюкович на русский язык интерпретируется как «*прекрасное далеко*»:

«*Дали между пиками казались неизмеримыми – прекрасное далеко, подытожил Диоталлеви, умеющий находить формулировки для наших общих тем*»⁴⁰.

В данном контексте «прекрасное далеко» функционирует как *псевдоинтертекст*, создавая ассоциацию с поэтическим восприятием мира вообще, что, по мнению соискателя, ведет к неоправданному интертекстуальному упрощению.

Модель «ДОСЛ», фиксирующая отличия исходной культуры от культуры принимающей, нашла широкое распространение в переводческой практике при передаче интертекстуальных знаков по схеме «дословный перевод + комментарий», в результате реализации которой, с одной стороны, маркированная как «чужое слово» семантически насыщенная часть текста превращается в нейтральный фон, но, с другой, благодаря комментированию происходит углубленное взаимопроникновение двух культур, что прослеживается в следующем примере:

«FILENAME: *Tre donne intorno al cor...*»⁴¹.

Перевод Е.А. Костюкович:

«Имя файла: *Три донны к сердцу подступили вместе.*

Комментарий: «Изменено: “*три донны*” вместо “*три дамы*” (канцона CIV, 1 Данте в переводе Е.М. Солоновича). Речь идет об аллегориях Справедливости, Правды и Законности»⁴².

Отчасти преодолеть, но не полностью аннулировать дистанцию между исходной культурой и культурой принимающей позволяет использование модели «КОНГР» с приемом компенсации. Например:

«*Люди начинали анализировать свое поведение. Лихорадочно придумывая спасительные ходы. Путаться в нагромождении бессмысленных уловок. Мучительное ожидание превращало их в дрожащих тварей. Этого-то генерал и дождался*»⁴³.

В первом переводе «Компромисса» С.Д. Довлатова на итальянский язык, вышедшем в издательстве «Sellerio» в 1996 г., знаменитое выражение Раскольниковова Л. Сальмон передала *дословно* (модель «КОНГР»). Диссертант

³⁹ Eco U. Il pendolo di Foucault. – Milano: Bompiani, 1999. – P. 355.

⁴⁰ Эко У. Маятник Фуко. – СПб: Издательство «Симпозиум». – 2000. – С. 397.

⁴¹ Eco U. Il pendolo di Foucault. – 1999. – P. 65.

⁴² Эко У. Маятник Фуко. – 2000. – С. 71.

⁴³ Довлатов С. Компромисс // Собрание прозы: в 3 т. – СПб.: Лимбус-пресс, 1993. – Т. 1. – С. 293.

обратил внимание, что выбор данной модели привел к полной потере интертекста в принимающей культуре⁴⁴:

«Cominciavano ad analizzare il proprio comportamento. A pensare febbrilmente a una mossa che potesse salvarli. A perdersi in un ammasso di sotterfugi insensati. La tormentosa attesa li trasformava in creature tremebonde. E queste erano le intenzioni del generale»⁴⁵.

При переиздании «Компромисса» на итальянском языке совместно с переводчицей было принято решение использовать прием компенсации с целью экспликации содержащегося в исходном тексте интертекста:

«Cominciavano ad analizzare il proprio comportamento. A pensare febbrilmente a una mossa che potesse salvarli. A perdersi in un ammasso di sotterfugi insensati. La tormentosa attesa li trasformava in personaggi da delitto e castigo (героев преступления и наказания – Г.Д.). E queste erano le intenzioni del generale»⁴⁶.

Реализацию модели «ZERO» соискатель проследил на материале переводов на итальянский язык произведений мастера имитации В.Г. Сорокина и пришел к заключению: поскольку манипулирование стереотипными ситуациями и расхожими выражениями, призванное раскрыть подсознание общества, актуально также для современной итальянской литературы (в частности, для творчества Н. Амманнито, А. Нове, Т. Скарпы и др.), описываемые в текстах Сорокина ситуации и произносимые в этих ситуациях типичные фразы могут передаваться посредством итальянских речевых клише.

В диссертационном исследовании автором доказывается, что переводческие стратегии зависят от особенностей исходного текста, ориентирующегося на образцового читателя; от характера предполагаемого эмпирического читателя; от общего состояния принимающей культуры.

В третьем параграфе «**Лингвокультурологические особенности перевода итальянских и русских художественных фильмов**» соискатель осознает киноперевод как особую переводческую проблему, рассматривает кинотекст как значимое явление культуры, а язык кино – как открытую систему, включающую не только вербальные знаки, но также знаки изобразительной и музыкальной природы. По утверждению диссертанта, лингвокультурологический анализ интертекстуальных отношений в переводном кино особенно актуален в силу следующих причин: художественный фильм предоставляет интересные данные, которые позволяют судить о роли кинотекста в формировании картины мира как отдельного индивида, так и современного ему общества⁴⁷; переводной фильм, независимо от художественных достоинств, является важным источником формирования образа «чужой» культуры»; лингвокультурологическая процедура передачи интертекстуальных связей художественного фильма в другую иноязычную культуру пока не разработана.

⁴⁴ Денисова Г.В. Культурологически обусловленная лексика: возможности и пределы переводимости. – М.: МААЛ, 1999. – С. 132.

⁴⁵ Dovlatov S. Compromesso. – Palermo: Sellerio, 1996. – P. 166.

⁴⁶ Dovlatov S. Compromesso. – Palermo: Sellerio, 2000. – P. 192.

⁴⁷ Пискунова С.И. Screen culture in the sphere of modern media culture // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2015. – № 6. – С. 34-44.

На основе проведенного анализа соискатель заключает, что успех киноперевода зависит от возможности и степени адаптации фильма в иноязычную культурную среду, при которой возникает особая проблема – соотношение разных культурных традиций, а также от культурной памяти и фоновых знаний представителей принимающей культуры (*универсальная и индивидуальная энциклопедии*).

В **Заключении** подводятся итоги, формулируются основные выводы исследования.

Феномен интертекстуальности – универсальный механизм культурной памяти, присутствующий во всех сферах человеческого бытия и воспринимаемый в современном гуманитарном знании в контексте диалогизации культуры. Представленный в работе опыт описания интертекстуальности как системо- и смыслообразующего механизма взаимодействия лингвокультурных понятий в языковой картине мира с использованием материала, полученного эмпирическим путем с помощью ассоциативных экспериментов, предпринят в отечественной и зарубежной науке впервые.

В ходе исследования интертекст был определен важнейшим механизмом коммуникативного смыслопорождения в парадигме национальных культур; выявленный особый тип интертекста – интертекст-мем, представлен как содержательный элемент национального языкового сознания.

Основой предречевого текстового потенциала носителя лингвокультуры (презумпцией интертекстуальности) выступает интертекстуальная энциклопедия – область культурной памяти, которая состоит из определенного набора значимых текстов. Поскольку структура интертекстуальной энциклопедии многослойна, она опирается не только на постоянно востребуемые «сильные интертексты», но и на моментальные снимки ассоциативно-языкового сознания – «слабые интертексты».

Современный виток развития культурной парадигмы отличается тенденцией к преодолению цитатности как безличия и стремлением к компромиссу между постмодернизмом и традиционализмом, что подтверждается анализом соотношения «сильных» и «слабых» интертекстов, представленных русским художественным дискурсом рубежа XX-XXI вв.

Интертекст являет собой смыслообразующую категорию формирования языковой личности нового типа – поликультурной (полилингвальной) языковой личности, ориентированной на другие культуры через систему ценностей родной культуры. Ярким примером интертекстуального поведения поликультурной языковой личности является жизнь и творчество В.В. Набокова.

Культурологический подход позволил автору выявить роль интертекста в аспекте межкультурной динамики, а именно в коммуникативной реальности современного поликультурного пространства России и Италии. Перевод, понимаемый как интертекст, призван при трансформации текста другой культуры обнаружить смысловую составляющую тех ключевых понятий, которые ведут к выявлению этнокультурного своеобразия соответствующей лингвокультуры. Благодаря междисциплинарному подходу к переводу как средству формирования

интертекстуальной компетенции внимание было сфокусировано на соотношении «перевод» – «принимающая культура». Язык при этом был осознан как активная когнитивная система, которая способствует овладению динамикой межкультурного общения и развитию билингвокогнитивного сознания, действующего в «третьем» по отношению к родной и иноязычной картинам мира культурном пространстве.

**Основные положения диссертации получили отражение
в следующих публикациях автора:**

в монографиях:

1. Денисова, Г.В. Культурологически обусловленная лексика: возможности и пределы переводимости / Г.В. Денисова. – М.: МАЛП, 1999. – 152 с.
2. Денисова, Г.В. В мире интертекста: язык, память, перевод / Г.В. Денисова. – М.: Азбуковник. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова, 2003. – 297 с.
3. Денисова, Г.В. На изломе веков: русский язык в зеркале современной прозы / Г.В. Денисова. М.: Азбуковник. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова, 2012. – 300 с.
4. Denissova, G.V. Marzabotto: testimonianze di un russo / G.V. Denissova. – Gorizia: Nuove edizioni della Laguna, 2016. – 127 p.

в учебниках:

5. Денисова, Г.В. Русская история по-русски / Г.В. Денисова. – Pisa: Tipografia Pisana. – 150 p.
6. Denissova, G.V. Il russo nella galassia dell'informazione / C. Cadamagnani, A. Carbone, G.V. Denissova. – Pisa: Pisa University Press. – 187 p.

в журналах Scopus, WoS,

в изданиях, рекомендованных ВАК:

7. Denissova, G.V. Ritratti critici: letteratura russa / G.V. Denissova // Belfagor. – № 4-31. – 2004. – P. 423-430. Scopus, WoS.
8. Denissova, G.V. Il buon Stalin, oppure alla ricerca delle fedi perdute / G.V. Denissova // Belfagor. – 2005. – № 2-31. – P. 204-208. Scopus, WoS (0,2 п.л).
9. Денисова, Г.В. Ключевые идеи русской картины мира [рецензия] // Russica Romana. – 2005. – № XII. – P. 160-162. Scopus, WoS.
10. Денисова, Г.В. Необычный бестселлер: заметки о построении «Левиафана» Б. Акунина / Г.В. Денисова // Studi Slavistici. – 2006. – № III. – P. 199-216. Scopus, WoS.
12. Denissova, G.V. Ritratti critici: letteratura russa / G.V. Denissova // Belfagor. – 2009. – № 2-31. – P. 235-236. Scopus, WoS.
13. Denissova, G.V. Il crocevia letterario nella Russia rdi Putin / G.V. Denissova // Belfagor. – 2010. – № 2-31. – P. 201-204. Scopus, WoS.
14. Denissova, G.V. Tradurre gli autori russi contemporanei / G.V. Denissova // Belfagor. – 2011. – № 4-31. – P. 472-476. Scopus, WoS.

15. Денисова, Г.В. Итальянское «tagari» и его русские переводные эквиваленты: разные дискурсивные стратегии / Г.В. Денисова, И.Б. Левонтина // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы науч. конф. «Диалог». – М: РГГУ, 2017. – Вып. 16 (23). – С. 261-271. Scopus, WoS, ИФ РИНЦ.

16. Денисова, Г.В. Лингвокультурное сознание и эстетика стереотипов / Г.В. Денисова // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). – 2017. – № 10. – С. 30-37. ИФ РИНЦ.

17. Денисова, Г.В. Перевод художественных фильмов: лингвистические и культурологические аспекты / Г.В. Денисова // Вестник МГЛУ. – 2017. – № 10 (783). – С.158-168. ИФ РИНЦ.

18. Денисова, Г.В. Интертекстуальные переводные эквиваленции как культурологический вопрос билингвального сознания / Г.В. Денисова // Вестник МГЛУ. – 2018. – № 2 (791). – С. 45-57. ИФ РИНЦ.

19. Денисова, Г.В. Психолингвистические особенности речи русской эмиграции / Г.В. Денисова // Верхневолжский филологический вестник. – 2018. – № 3. – С. 114-118. ИФ РИНЦ.

20. Денисова, Г.В. Русское «как-нибудь» по данным параллельных корпусов / Г.В. Денисова, А.А. Зализняк, И.Л. Микаэлян // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы науч. конф. «Диалог». – М: РГГУ, 2018. – Вып. 17. – С. 794-808. Scopus, WoS, ИФ РИНЦ.

21. Денисова, Г.В. Русско-итальянское «свое» и «чужое»: лингвокультурологический анализ произведений русских авторов на итальянском языке / Г.В. Денисова // Ярославский педагогический вестник – 2018. – № 3. – С. 346-350. ИФ РИНЦ.

22. Денисова, Г.В. Интертекстуальная компетенция личности: вектор культурной эволюции / Г.В. Денисова // Вестник МГЛУ. – 2018. – № 9 (801). – С. 184-193. ИФ РИНЦ.

23. Денисова, Г.В. Understanding Foreign Language World View by means of Translation: Psycholinguistic and Didactic Aspects / Г.В. Денисова // Русский язык зарубежом. – 2018. – № 3 (268). – С. 64-68. ИФ РИНЦ.

24. Денисова, Г.В. Developing Secondary Language Identity in the Context of Professional Communication / А.А. Зализняк, Г.В. Денисова, Е.А. Редькина // Psychology in Russia: State of the Art. – 2019. – № 1 (12). – P. 20-29. Scopus, WoS, ИФ РИНЦ.

в других научных изданиях:

25. Денисова, Г.В. Влияние культурных факторов на переводческий процесс и обусловленные им случаи непереводимости / Г.В. Денисова // Россия и Запад: диалог культур; отв. ред. А.В. Павловская. – М.: НОПОЯЗ, 2000. – Вып. 5. – С. 380-390.

26. Denissova, G.V. Peculiarità e linee didattiche di una «lingua per scopi speciali» / G.V. Denissova // Quale curriculum per l'azienda. Linguisti e aziendalisti a confronto; ed. G. Garzone. – Bologna: CLUEB, 2000. – P. 217-237.

27. Денисова, Г.В. Автоперевод и его влияние на определение переводческих стратегий / Г.В. Денисова // Лингвистика и культурология: сб. ст. – М: Изд-во Моск. ун-та, 2000. – С. 169-194.

28. Денисова, Г.В. Стереотипы и их роль в формировании коммуникативных навыков в условиях «неродного двуязычия» / Г.В. Денисова // Россия и Запад: диалог культур; отв. ред. А.В. Павловская. – Вып. 8. – М.: НОПОЯЗ, 2000. – С. 43-60.

29. Денисова, Г.В. Перевод в системе сравнительного литературоведения [рецензия] // *Russica Romana*. – 2000. – № 7. – Р. 261-264.

30. Денисова, Г.В. Теория перевода и вопросы эпистемологии к религиозному тексту [перевод с итальянского языка] / Г.В. Денисова, Л. Сальмон // *Philologica LII. Biblické Žalmy a sakrálne texty v prekladateľ'ských, literárnych a kultúrnych súvislostiach*; ed. O. Kovacicová. – Bratislava: Univerzita Komenského Bratislava, 2001. – С. 25-42.

31. Денисова, Г.В. Интертекстуальный компонент и семиотика перевода. Возможности и способы передачи интертекста / Г.В. Денисова // Текст. Интертекст. Культура; сб. ст.; отв. ред. В.П. Григорьев, Н.А. Фатеева. – М: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2001. – С. 112-128.

32. Denissova, G.V. Il russo «della Pepsi e della libertà»: moda linguistica, ideologia o nuovi referenti? / G.V. Denissova, L. Salmon // *L'inglese e le altre lingue europee*; ed. F. San Vicente. – 2002. – Р. 257-274.

33. Денисова, Г.В. Интертекстуальный компонент в структуре языковой личности и в переводе / Г.В. Денисова // Университетское переводоведение. III Фёдоровские чтения; отв. ред. В.В. Шадрин. – СПб: Филол. фак. СПбГУ, 2002. – С. 216-233.

34. Денисова, Г.В. Интертекстуальные стратегии В.В. Набокова-переводчика: некоторые наблюдения над особенностями языкового сознания билингва / Г.В. Денисова // *Contributi italiani al XIII Congresso Internazionale degli Slavisti*; ed. A. Alberti, M. Garzaniti, S. Garzonio. – Pisa: Pisa University Press, 2003. – С. 86-108.

35. Denissova, G.V. I riflessi del «new speak» sulla terminologia della stampa periodica russa contemporanea / G.V. Denissova // *Russica Romana*. – 2003. – № 2/X. – Р. 127-138.

36. Denissova, G.V. «L'arte appartiene al popolo»: alcune tendenze stilistiche della prosa russa contemporanea / G.V. Denissova // *Russica Romana*. – 2004. – № XI. – Р. 65-79.

37. Денисова, Г.В. «Новый текст» современной русской прозы: риторика, идеология, стратегия успеха / Г.В. Денисова // Поэтика исканий, или Поиск поэтики; отв. ред. В.П. Григорьев, Н.А. Фатеева. – М: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2004. – С. 254-265.

38. Денисова, Г.В. Некоторые аспекты презумпции интертекстуальности в лингвокультурном сознании и речевой деятельности / Г.В. Денисова // Лотмановский сборник; науч. ред. Л.Н. Киселева. – М: ОГИ, 2004. – Т. III. – С. 652-664.

39. Денисова, Г.В. Клишированность в зеркале языка, или некоторые наблюдения над функцией стереотипов в лингвокультурном сознании и речевой деятельности / Г.В. Денисова // Академическая лингвистика: проблемы современной когнитивистики и переводоведения: материалы науч. сем.; отв. ред. Е.В. Кузнецова, А.Н. Соколова. – СПб: Academus, 2004. – С. 29-39.

40. Денисова, Г.В. Пародирование или клонирование? К вопросу об идентичности современных писателей / Г.В. Денисова // Поэтика исканий, или Поиск поэтики: сб. ст.; отв. ред. Н.А. Фатеева. – М: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2006. – С. 297-307.

41. Denissova, G.V. Oltre le regole: riflessioni sulla didattica del russo scientifico-professionale / G.V. Denissova, L. Salmon // Tradurre le microlingue scientifico-professionali. Riflessioni teoriche e proposte didattiche; ed. P. Mazzotta, L. Salmon. – Torino: UTET, 2007. – P. 327-346.

42. Денисова, Г.В. Стереотип и творчество: проза рубежа веков в контексте стилистической парадигмы русского языка / Г.В. Денисова // Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия; отв. ред. Н.А. Фатеева. – М: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2007. – С. 39-47.

43. Denissova, G.V. Il crocevia russo: itinerari letterari nella Russia di Putin / G.V. Denissova // Guida ai paesi dell'Europa centrale orientale e balcanica; ed. L. Chiodi, F. Privitera. – Bologna: Il Mulino, 2007. – P. 67-77.

44. Денисова, Г.В. «Чужой среди своих»: к вопросу о переводе художественных фильмов и их восприятии в рамках иноязычного культурного пространства / Г.В. Денисова // Университетское переводоведение. VII Фёдоровские чтения; отв. ред. В.В. Шадрин. – СПб: Филол. фак. СПбГУ, 2006. – С. 149-165.

45. Денисова, Г.В. «Элементарно, Ватсон!» К вопросу о частотности употребления фильмимов в современном русском лингвокультурном пространстве / Г.В. Денисова // Интегрум: точные методы и гуманитарные науки; отв. ред. Г. Никипорец-Такигава. – М: Летний сад, 2006. – С. 289-300.

46. Denissova, G.V. Michail Šiškin: ricordi che non hanno tempo / G.V. Denissova // eSamizdat. – 2007. – № V/1-2. – P. 492-494.

47. Денисова, Г.В. Цель или средство? К вопросу о месте перевода в преподавании иностранных языков / Г.В. Денисова // Университетское переводоведение. VIII Фёдоровские чтения; отв. ред. В.В. Шадрин. – СПб: Филол. фак. СПбГУ, 2007. – С. 143-160.

48. Денисова, Г.В. «Белые рыцари» в составе «проклятых легионов»: смысловое содержание и способы психологического выражения «своего» и «чужого» эмигрантами первой волны / Г.В. Денисова // Contributi italiani al XIV Congresso Internazionale degli Slavisti; ed. A. Alberti, S. Garzonio, N. Marcialis, B. Sulpasso. – Firenze: Firenze University Press, 2008. – С. 149-162.

50. Denissova, G.V. Dal linguaggio delle donne alla scrittura femminile: una pratica di diversità? / G.V. Denissova // Lei. Racconti russi al femminile; ed. G.V. Denissova. – Pisa: Pisa University Press, 2008. – P. 185-200.

51. Denissova, G.V. Dall'età romantica al primo Novecento / G.V. Denissova // *Dallo stilo allo schermo: sintesi di teoria della traduzione*; ed. Ch. Barone, S. Bruti, M. Foschi Albert, V. Tocco. – Pisa: Pisa University Press, 2011. – P. 43-54.

52. Денисова, Г.В. Русский язык и современная проза: динамика развития в начале третьего тысячелетия / Г.В. Денисова // *Teoria literatury w swietle jezykoznavstwa*; ed. A. Skubaczewska-Pniewska. – Torun: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikolaja Kopernika, 2011. – С. 263-275.

53. Денисова, Г.В. Языковая норма/узус в проекции на современную литературу и кино: тенденции выбора / Г.В. Денисова // *Visión del Mundo u Texto*; ed. B. García, E. Gervilla, G. Kharnasova, T. Kopylova. – Granada: Universidad de Granada, 2011. – P. 147-154.

54. Денисова, Г.В. Языковая норма/узус в проекции на современную литературу и кино: тенденции выбора / Г.В. Денисова // *Вариативность в языке и коммуникации: сб. ст.; отв. ред. Л.Л. Федорова*. – М.: РГГУ, 2012. – С. 395-408.

55. Denissova, G.V. Quattro generazioni: ritratti linguistici dei russofoni / G.V. Denissova // *Venok: Studia Slavistica Stefano Garzonio sexagenario oblata*; ed. G. Carpi, L. Fleishman, B. Sulpasso. – Stanford: Stanford Slavic Studies, 2012. – Vol. 2. – P. 319-334.

56. Денисова, Г.В. Русская «Little Italy»: медиадискурс и медиакартина мира журнала «Италия. Жизнь как искусство» / Г.В. Денисова // *Стилистика сегодня и завтра: медиатекст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах: материалы II науч. конф.; отв. ред. Е.П. Гурова*. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. – С. 112-117.

57. Денисова, Г.В. Русско-итальянское «свое» и «чужое»: к вопросу об особенностях функционирования заимствований в межкультурной коммуникации / Г.В. Денисова // *Диалог культур: «Итальянский текст» в русской литературе и «русский текст» в итальянской литературе*; отв. ред. Н.А. Фатеева. – М.: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2013. – С. 93-100.

58. Денисова, Г.В. Лингвоспецифичные концепты русской картины мира и межкультурная коммуникация / Г.В. Денисова // *National Literatures and the Process of Cultural Globalisation*; ed. I. Ratiani. – Тбилиси: Shota Rustaveli Institute of Georgian Literature, 2014. – Vol. 1. – С. 13-25.

59. Денисова, Г.В. Пять голосов: речевые портреты русской эмиграции в Италии // *Вестник МЦМС*. – 2015. – № 4. – С. 35-63.

60. Денисова, Г.В. Визуальные практики и современный литературный процесс: кинематографические фреймы в композиционно-синтаксическом построении текста / Г.В. Денисова // *Теория и история искусства*. – 2015. – № 1/2. – С. 163-172.

61. Denissova, G.V. Il crocevia letterario russo degli anni duemila / G.V. Denissova // *Nuova corrente. Rivista di letteratura e filosofia*. – 2016. – № 158. – P. 125-137.

62. Denissova, G.V. L'utilizzo dei materiali audiovisivi nell'ambito dell'autoaddestramento di studenti di lingua, letteratura e cultura russa / G.V. Denissova, L. Salmon // *Dallo schermo alla didattica di lingua e traduzione: otto lingue a confronto*; ed. E. Ghia, G. Marcucci, F. Di Stefano. – Pisa: ETS, 2016. – P. 19-39.

63. Денисова, Г.В. Креативный потенциал языка русских эмигрантов первой волны / Г.В. Денисова // Языковое творчество vs. креативность: эстетический, эвристический и прагматический аспекты: материалы науч. конф.; отв. ред. Н.А. Фатеева. – М.: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова, 2016. – С. 411-429.

64. Denissova, G.V. Corpora paralleli come strumento di analisi delle corrispondenze multilinguistiche / G.V. Denissova, A.A. Zalizniak // Il russo nella galassia dell'informazione; ed. C. Cadamagnani, A. Carbone, G.V. Denissova. – Pisa: Pisa University Press. – P. 141-152.